

10699.

7/10053

О ГРАЖДАНСКОМЪ БРАКѢ.

Н. С. Суворова,

ОРДИНАРНАГО ПРОФЕССОРА ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦЕЯ.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типо-литографія Г. Фалькъ, Духовская ул., собственный домъ.

1887.

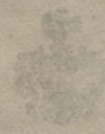
№ 11034.

54

100000

ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ С. Шпилевскій.

1881

1881

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый мною краткій очеркъ исторіи гражданскаго брака составился изъ двухъ моихъ публичныхъ лекцій, прочитанныхъ въ залѣ ярославской городской думы. Разумѣется, въ двухъ лекціяхъ не легко изложить то, что могло бы дать содержаніе многотомному изслѣдованію. Но я сочту мою цѣль достигнутою, если читатель вынесетъ изъ моего очерка ясное представленіе о главнѣйшихъ фазахъ въ историческомъ развитіи этого учрежденія.

Н. Суворовъ.

16 Марта 1887 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Предисловіе многократно переиздано
въ этомъ году составлено въ виду
нужды въ предисловіи къ этому
изданію. Въ предисловіи не должно
быть ничего, что могло бы вызвать
сомнѣніе. Но въ соотвѣствіи съ
требованіемъ не должно забыть
ни о какомъ изъ вопросовъ, связанныхъ
съ этимъ изданіемъ.

И. С. Соловьевъ

1917 г.

О гражданскомъ бракъ.

I.

У народовъ древности, въ дохристианскія времена, вступленіе въ супружескій союзъ мужчины и женщины считалось настолько важнымъ и священнымъ событіемъ въ жизни человѣческой, что само божество непосредственно, или черезъ посредство его служителей, привлекалось къ участию въ заключеніи этого союза. Безъ совершенія разныхъ священныхъ формальностей, безъ религиозныхъ обрядовъ, безъ обращеній къ божеству въ той или другой формѣ, вступленіе въ брачный союзъ было дѣломъ необычнымъ, а вѣроятно даже и невысказаннымъ. Египтянинъ женился, призывая Изиду. Мидіецъ заключалъ бракъ предъ лицомъ солнца, которому онъ поклонялся. Персъ зажигалъ свой брачный факелъ на священномъ огнѣ, которому онъ воздавалъ божеское поклоненіе. Изъ обитателей греческаго Олимпа, далеко не безупречнаго въ нравственномъ отношеніи, самыя цѣломудренныя богини принимали подъ свое покровительство брачные союзы: аѳинянка не вступала на порогъ дома своего будущаго мужа, не принеши жертвы Палладѣ, а по словамъ Плутарха бракосочетаніе молодыхъ людей совершалось жрицей богини Деметеръ. Подобное же явленіе замѣчается и у тѣхъ народовъ, современный бытъ которыхъ представляетъ собою какъ бы окаменѣлость, образовавшуюся съ незапамятнаго времени: у индусовъ, которые садятся въ брачныя носилки, освященные браминомъ, у китайцевъ и японцевъ, отправляющихся для благословенія

браковъ въ храмы и къ жертвенникамъ. Тоже самое оказалось, при открытіи Америки, у жителей Мексики и Перу ¹⁾.

У римлянъ брачныя обряды были насквозь проникнуты религіознымъ элементомъ. Для патриціевъ религіозная форма заключенія браковъ предписывалась самимъ закономъ (подъ именемъ конфарреациі). Плебеевъ римскіе законы не удостоивали этой религіозной формы; но это не мѣшало и плебеемъ, пока вообще религія держалась и цѣнилась въ римскомъ государствѣ, обставлять свои браки тѣми же самыми религіозными обрядами, какіе употребляемы были при бракахъ патрицейскихъ. Разница состояла лишь въ томъ развѣ, что въ заключеніи патрицейскихъ браковъ всегда обязательно участвовали государственные жрецы, тогда какъ при бракахъ плебейскихъ этого участія не было. Утро брачнаго дня должно было начинаться ауспиціями, т. е. священными гаданіями, которыя, смотря по примѣтамъ, хорошимъ или дурнымъ, должны были показать, соизволяютъ или не соизволяютъ боги на заключеніе предположеннаго брака. Въ случаѣ счастливаго исхода ауспицій, составлялся брачный контрактъ; женихъ и невѣста заявляли о своемъ взаимномъ согласіи на бракъ; сваха-распорядительница брака (пропица) передавала ихъ другъ другу, соединяя правыя руки. Затѣмъ слѣдовало принесеніе жертвы новобрачными на домашнемъ жертвенникѣ. Въ этотъ моментъ прочитывалась—при патрицейскихъ бракахъ государственнымъ жрецомъ—установленная формула молитвы, и новобрачные, во время ея чтенія, обходили жертвенникъ кругомъ. Далѣе слѣдовалъ ужинъ—все еще въ домѣ невѣсты—, а послѣ ужина совершалось торжественное отведеніе невѣсты въ домъ жениха. Впереди процессіи несли факель изъ священнаго дерева въ честь Цереры. Прежде чѣмъ вступить внутрь дома, между новобрачными происходилъ слѣдующій выразительный разговоръ. Женихъ спрашивалъ: „кто ты такая?“ Невѣста отвѣчала: „гдѣ ты Гай, тамъ я Гая“, т. е. она уподобляла свое имя имени жениха и желала этимъ сказать, по объясненію Плутарха, слѣдующее: „гдѣ ты господинъ и хозяинъ,

тамъ и я желаю быть госпожей и хозяйкой.“ За вступленіемъ въ домъ жениха слѣдовалъ религиозный обрядъ принятія жены мужемъ въ общеніе огня и воды. Жена должна была дотронуться до огня и воды—этихъ простѣйшихъ и священнѣйшихъ элементовъ природы, къ которымъ ей предстояло обращаться для принесенія домашнихъ жертвъ. Съ этого момента мужъ и жена должны были имѣть все общее, не исключая и домашнихъ боговъ мужа, которые дѣлались также и домашними богами жены. Богамъ этимъ молодая женщина приносила жертву на другой день, принимая первый визитъ своихъ родственниковъ²⁾.

Священные книги евреевъ начинаются бытописаніемъ о сотвореніи міра, гдѣ, между прочимъ, повѣствуется, что Богъ сотворилъ человѣка по образу своему и по подобію, создалъ ему помощницу—жену, привелъ ее къ нему и благословилъ ихъ, т. е. Самъ сочеталъ ихъ бракомъ, давъ имъ благословеніе рости, множиться и наполнять землю. Эта идея непосредственнаго Божьяго бракосочетанія съ необычайною силою выражена въ разныхъ священныхъ книгахъ ветхаго завіта. Авраамъ, который, по Божию повелѣнію, оставилъ свою родину и поселился въ землѣ ханаанской, когда пришло время женить сына Исаака, отправилъ своего раба—домоправителя за невѣстой для своего сына, взялъ съ него при этомъ торжественную клятву не ходить къ обитателямъ ханаанской земли, а идти на оставленную имъ родину, и въ напутствіе сказалъ ему слѣдующее: „Іегова, Богъ неба, который взялъ меня изъ дома Отца моего и изъ земли мѣстожителства моего,—Богъ, который говорилъ со мною и поклялся мнѣ, что страна эта будетъ дана моимъ потомкамъ, пошлетъ ангела своего предъ тобою, чтобы оттуда ты взялъ жену моему сыну.“ Когда посланный достигъ родины Авраама, первымъ дѣломъ его была слѣдующая молитва Іеговѣ: „Богъ Авраама, господина моего, исполни желаніе мое и окажи милость господину моему. Вотъ я стою у колодца; въ это время дѣвцы выходятъ сюда изъ города черпать воду. Пусть та,

которая, по моей просьбѣ, дастъ мнѣ напиться и кромѣ того сама предложить напоить и моихъ верблюдовъ,— пусть это и будетъ та самая, которую Ты предназначилъ рабу Твоему Исааку.“ Когда все случилось именно такъ, какъ желательно было, посланный Авраама палъ на землю и сказалъ: „да будетъ благословенъ Іегова, Богъ господина моего Авраама, не оставившій его своею милостію, поставившій меня на надлежащую дорогу и приведшій меня въ домъ родственниковъ господина моего, чтобы взять жену для его сына.“ Ветхозавѣтный пророкъ, объясняя, почему Богъ не принимаетъ благосклонно, а отвергаетъ жертвы и приношенія изъ рукъ своего народа, говоритъ; „потому, что Іегова былъ свидѣтелемъ между тобой и женою юности твоей, противъ которой ты поступаешь вѣроломно и безчестно, хотя она — товарищъ тебѣ и сопряженная жена“. Или напр. Соломонъ, когда ему нужно указать на жену, нарушающую свой супружескій союзъ, говоритъ о ней, что она забываетъ о союзѣ Бога своего³).

Въ книгѣ „Товитъ“, главное содержаніе которой составляетъ разсказъ о женитьбѣ молодаго Тови, заключеніе брака описывается въ слѣдующихъ словахъ. Ангель, спутникъ и руководитель Тови, сказалъ Рагуилу, отцу невѣсты: „не бойся отдать свою дочь этому юношѣ, потому что ему именно, боящемуся Бога, должна быть супругой твоя дочь, оттого-то никто раньше и не могъ получить ее въ жены.“ Рагуиль отвѣтилъ: „не сомнѣваюсь, что Богъ внялъ моимъ молитвамъ и слезамъ, и вѣрю, что Онъ привелъ васъ ко мнѣ для бракосочетанія моей дочери...“ Взявъ за тѣмъ правую руку своей дочери Сары, Рагуиль вложилъ ее въ правую руку Тови и сказалъ: „Богъ Авраама, Богъ Исаака и Богъ Іакова да будетъ съ вами и Самъ да сочетаетъ васъ и да исполнитъ на васъ благословеніе Свое.“

Христіанскіе взгляды на бракъ не могли быть ниже еврейскихъ. Христось, почтившій Своимъ присутствіемъ и первымъ чудомъ брачное торжество въ Канѣ галилейской, при одномъ случаѣ напомнилъ фарисеямъ, что Богъ, сотворившій вначалѣ

человѣка, сотворилъ мужа и жену и связалъ ихъ неразрывнымъ союзомъ, такъ что никто не можетъ разорвать того, что *Богъ сочеталъ*. Апостоль Христа, Павелъ, разсуждая о взаимныхъ обязанностяхъ мужей и женъ, поставилъ для отношеній супружескихъ идеальный образецъ въ союзѣ Христа съ церковью. Христосъ, искупивъ человѣчество своею кровью, обнаружилъ величайшее самоотверженіе и любовь для того, чтобы создать себѣ изъ человѣчества чистую, святую, омытую Его кровью церковь. На столько же самоотверженія, терпѣнія и любви должно быть и въ отношеніяхъ супружескихъ. Союзъ двухъ людей, изъ которыхъ каждый въ другомъ любить себя самого, которые вдвоемъ составляютъ одно нераздѣльное существо, есть великая тайна, по словамъ апостола, какъ велика тайна того союза, который существуетъ между Христомъ и искупленною, питаемою и согрѣваемою Имъ церковью ⁴⁾.

Словами апостола вдохновлялись церковные ораторы и церковные мыслители, обращая вниманіе то болѣе на одну, то болѣе на другую черту супружества. Златоустъ главное свое вниманіе обращалъ на непонятное, даже непостижимое для обыкновеннаго человѣческаго разумѣнія зарожденіе какой-то сверхъестественной любви, проникающей супружескій союзъ, и въ этой любви именно видѣлъ основаніе для сравненія его съ союзомъ между Христомъ и церковью. Какъ Ева произошла изъ ребра Адама, отъ плоти его и отъ костей его, такъ мы — церковь — произошли отъ ребра Христова, отъ Его плоти и отъ Его костей. По словамъ Евангелія, когда одинъ изъ солдатъ прокололъ копьемъ бокъ распятаго Христа, оттуда вышли кровь и вода, — и вотъ водою крещенія мы омываемся, а кровію питаемся. Жена создана изъ ребра Адама, когда онъ уснулъ: церковь создана изъ ребра Христа, когда онъ умеръ. И мужья, по слову апостола, должны такъ же любить своихъ женъ, какъ Христосъ возлюбилъ церковь. Не велика ли въ самомъ дѣлѣ эта тайна? восклицаетъ Златоустъ. Дѣвица въ первый разъ видитъ никогда не виданнаго

его прежде жениха и съ перваго же дня любить его, какъ свое собственное тѣло. Мущина, который также раньше никогда не видѣлъ своей невѣсты и не говорилъ съ нею, съ перваго же дня предпочитаетъ ее всѣмъ прочимъ: друзьямъ, родственникамъ и даже родителямъ самимъ. Родители обыкновенно разстраиваются и раздражаются, когда что либо похищается изъ ихъ дома, и привлекають похитителя къ суду; но тутъ человѣку часто никогда не видѣнному и неизвѣстному, передають вмѣстѣ съ дочерью и приданое и дѣлають это съ полною готовностію, — не думаютъ уже о понесенныхъ ими убыткахъ, не разстраиваются и не раздражаются, а напротивъ благодарять Бога и считаютъ для себя желательнымъ и пріятнымъ, если дочь ихъ уходится изъ дома не съ пустыми руками. Новый союзъ, устанавливающийся между молодыми людьми, получаетъ большую силу, большую крѣпость, чѣмъ прежняя, долготѣнная привычка къ родительскому дому. Вотъ почему апостоль и замѣтилъ, что здѣсь дѣло не людей, а Бога, который внушаетъ людямъ столь сильныя стремленія любви, что бракъ празднуется съ одинаковою радостію и дающихъ, и принимающихъ. Вотъ почему и сказалъ онъ, что тайна эта велика. — Такъ рассуждалъ величайшій церковный ораторъ ⁵⁾.

Другой отецъ церкви, величайшій христіанскій мыслитель, Августинъ, всего болѣе поражался въ бракѣ его неразрывностію, нерасторжимостію. Есть что-то таинственное въ этомъ союзѣ, говоритъ Августинъ. Супруги, хотя бы и оставили другъ друга, хотя бы и желали разорвать свой союзъ, остаются все таки супругами, если только смерть не разрѣшитъ этихъ узъ. Возможно, что, при заключеніи брака, супруги руководились желаніемъ имѣть дѣтей, но проходить нѣсколько лѣтъ супружеской жизни, надежда имѣть дѣтей оказывается напрасною, а между тѣмъ супружескій союзъ продолжаетъ оставаться ненарушимымъ и неразрывнымъ. И такъ, по мнѣнію Августина, бракъ потому и есть таинство, что онъ нерасторжимъ; по этой именно сторонѣ

и уподобляется союзъ супружескій союзу Христа съ церковью, ибо Христосъ и церковь не отдѣлимы на вѣки, — Онъ Самъ обѣщаль пребывать съ нами до конца міра ⁶⁾).

Ни Христосъ Самъ, ни апостолы не указали какой либо опредѣленной формы вступленія въ бракъ. Но если уже въ дохристіанскія времена человѣкъ призываль боговъ къ участию въ этомъ важнѣйшемъ событіи въ его жизни; то мыслимо ли и возможно ли было, чтобы христіанскіе браки оставались безъ религіознаго освященія и безъ церковнаго благословенія, при томъ высоко-идеальномъ значеніи, которое придано было брачному союзу въ христіанствѣ? Въ такое время въ особенности, когда каждый новый домъ, каждая болѣе или менѣе значительная частная сдѣлка, сборъ плодовъ и произведеній земли, получали церковное благословеніе, исключеніе браковъ изъ этого правила было-бы необъяснимою аномаліей. Дѣйствительно уже первые христіанскіе писатели свидѣтельствуютъ, что, для вступленія христіанъ въ браки, установились разныя религіозныя формальности. Одинъ изъ древнѣйшихъ писателей, ученикъ апостольскій Игнатій требуетъ, чтобы браки христіанъ были заключаемы съ вѣдома епископа, такъ чтобы они были браками въ Господѣ, а не браками по чувственной страсти ⁷⁾. Не заявить епископу о предполагаемомъ бракѣ—это значило прямо навлечь на себя подозрѣніе, что союзъ между данными лицами есть нѣчто недозволенное по какимъ либо причинамъ, напр. по причинѣ близкаго родства и п. п. Поэтому, другой древній христіанскій писатель, бывшій римскій юристъ, Тертуліанъ, говоритъ, что у христіанъ тайные браки, т. е. не заявленные предъ церковью, подвергаются опасности прослать за безчестныя связи ⁸⁾. Но заявленіемъ передъ епископомъ или передъ церковью дѣло заключенія брачнаго союза не исчерпывалось а только начиналось. Тотъ же христіанскій писатель Тертуліанъ не находитъ достаточно словъ, чтобы изобразить блаженство того супружескаго союза, на который даетъ свое согласіе церковь, который скрѣпляется приношеніемъ жерт-

венных даровъ, при которомъ свидѣтелями состоятъ ангелы, и который утверждается самимъ Отцомъ на небесахъ ⁹⁾. Другими словами, христіанскіе женихъ и невѣста заявляли о своемъ желаніи вступить въ бракъ епископу, который давалъ имъ свое согласіе на бракъ, если въ немъ не было ничего предосудительнаго, затѣмъ являлись къ общественному богослуженію, приносили свои жертвенные дары, какъ это было въ обычаѣ у первыхъ христіанъ, вмѣстѣ причащались какъ женихъ и невѣста. За общей же литургіей, къ общимъ молитвамъ присоединялась особая молитва за новобрачныхъ, которымъ за литургіей же давалось и благословеніе. Позднѣе составлено было нѣсколько особыхъ молитвъ за новобрачныхъ, введены были въ употребленіе вѣнцы, сначала изъ листьевъ масличнаго дерева, потомъ металлическіе, наконецъ составилъ цѣльный ритуаль церковнаго браковѣчанія, какъ особаго богослуженія.

Итакъ можно бы было ожидать, что у христіанскихъ народовъ еще съ большею силою, чѣмъ у нехристіанскихъ, заключеніе брака будетъ проникнуто религіозною идеей?

Попробуемъ однако раскрыть французское или германское гражданское уложеніе. Мы прочитаемъ въ немъ на примѣръ слѣдующее: За недѣлю (по франц. улож.), или за двѣ (по герм.) до дня бракосочетанія чиновникъ гражданского состоянія (*l'officier de l'état civil, Standesbeamte*), дѣлаетъ публикацію, посредствомъ вывѣски объявленія на дверяхъ общиннаго присутственнаго мѣста, о предположенномъ бракѣ, затѣмъ еще разъ повторяетъ эту публикацію втеченіе указаннаго, недѣльнаго или двухнедѣльнаго срока. Въ назначенный же для бракосочетанія день женихъ и невѣста являются въ общинное присутственное мѣсто, и здѣсь при 4-хъ (франц.) или при 2-хъ (германск.) свидѣтеляхъ „чиновникъ гражданского состоянія“ (т. е. мэръ, бургомистръ или другія, соответствующія имъ должностныя лица) прочитываетъ документы, относящіеся къ браку, напр. удостовѣряющіе личность жениха и невѣсты, или свидѣтельствующіе о согласіи

родителей на бракъ и т. п., прочитываетъ затѣмъ нѣкоторыя статьи закона, относящіяся къ правамъ и обязанностямъ супруговъ, спрашиваетъ мужчину и женщину порознь, желаютъ ли они быть—одинъ мужемъ, другая женой другъ другу, и когда они отвѣтятъ: *да*, объявляетъ ихъ супругами во имя закона. Тутъ же немедленно производится регистрація брака, т. е. записываются въ особую брачную книгу имена, фамиліи, возрастъ, словіе, занятія, мѣстожителство жениха и невѣсты, ихъ родителей и бывшихъ при этомъ свидѣтелей, записывается также все то, что происходило передъ тѣмъ, т. е. заявленіе взаимнаго согласія жениха и невѣсты на бракъ и объявленіе ихъ супругами по закону, со стороны чиновника. Съ исполненіемъ этихъ формальностей, законный бракъ заключенъ ¹⁰).

А вотъ какъ описываетъ процедуру заключенія брака одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, имѣвшій возможность зайти въ самое помѣщеніе, гдѣ бракъ заключается, именно въ брачную залу (*salle des mariages*) одной изъ парижскихъ мэрій:

Въ комнатѣ съ совершенно голыми стѣнами, передъ столомъ, покрытымъ зеленою суконною скатертью, сидятъ нѣсколько лицъ обоого пола въ самыхъ обыкновенныхъ костюмахъ. Эта компанія, разсаженная по мѣстамъ, безъ всякой торжественности, письмоводителемъ мэра, молчаливо ждетъ чего-то. Черезъ нѣсколько времени отворяется въ глубинѣ залы дверь, и изъ нея спѣшными шагами занятого человѣка входитъ господинъ въ статскомъ платьѣ, опоясанномъ трехцвѣтнымъ шарфомъ. Господинъ этотъ садится за столъ, роется нѣсколько минутъ въ лежащихъ передъ нимъ бумагамъ, шепчется о чемъ-то съ письмоводителемъ, потомъ встаетъ и скороговоркой дѣлаетъ какіе-то вопросы двумъ изъ присутствующихъ—мужчинѣ и женщинѣ. Спрошенные отвѣчаютъ обыкновенно едва слышнымъ для немногочисленной публики голосомъ. Господинъ въ шарфѣ встаетъ съ небольшой книжкой въ рукахъ, перелистываетъ нѣсколько страницъ и, отыскавъ нужное ему мѣсто, читаетъ, опять таки скороговор-

кой, нѣсколько фразъ. Положивъ книгу на столъ, онъ еще что-то говорить двумъ спрошеннымъ и тотчасъ же уходитъ въ ту же дверь, изъ которой появился. *Гражданскій бракъ заключенъ*. Мэръ, облеченный знаками своего достоинства (трехцвѣтнымъ шарфомъ) спросилъ брачующихся о ихъ взаимномъ согласіи, прочелъ статьи закона, касающіяся правъ и обязанностей супруговъ и произнесъ зачѣтные слова: „именемъ закона объявляю васъ состоящими въ бракъ“¹¹⁾.

Спрашивается: что это такое? Успѣхъ человѣческой культуры? Завоеваніе человѣческаго ума? Несомнѣнный показатель прогресса въ исторіи человѣчества и, можетъ быть, даже признакъ христіанской цивилизаціи? Или, напротивъ, справедливы сужденія и отзывы противниковъ гражданского брака? Гражданскій бракъ — это, говорятъ, кощунственная пародія на бракъ, гдѣ не услышишь ни одного слова о Богѣ и церкви, гдѣ не увидишь ни одного священнаго предмета или символа, которые могли бы возбудить въ человѣкѣ религіозное настроеніе? Здѣсь буквально человѣкъ заступаетъ мѣсто Бога и алтарь священника замѣняется сукномъ чиновника. Гражданскій бракъ, говорятъ, означаетъ гибель религіи и церкви, разрушеніе христіанскаго характера брака и семьи, оборваніе одной изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ связей между церковью и народною жизнью. Гражданскій бракъ ведетъ къ религіозному индифферентизму, подкапывается подъ основы государства; онъ есть не что иное, какъ нападеніе на народную нравственность и покровительство современному язычеству. Гражданскій бракъ, говорятъ наконецъ, есть чудовищное покушеніе на индивидуальную человѣческую свободу, это — прокрустово ложе, на которомъ совѣсти человѣческія растягиваются до размѣровъ революціоннаго атеизма.

II.

Для вѣрной и безпристрастной оцѣнки такого учрежденія,

какъ гражданскій бракъ, нужно, конечно, привести въ ясность явленія современной жизни, на которыхъ отражается его полезное или вредное вліяніе; но вообще трудно бываетъ сдѣлать вѣрную оцѣнку какого нибудь учрежденія, не приводя себѣ въ ясность историческихъ причинъ, вызвавшихъ это учрежденіе. Въ самомъ дѣлѣ, отчего въ христіанскомъ мірѣ, въ государствахъ христіанской цивилизаціи явился гражданскій бракъ, хотя, по свидѣтельству древнѣйшихъ христіанскихъ писателей, уже первые христіане считали своею обязанностию обращаться къ церкви за благословіемъ своихъ браковъ? Причинъ было нѣсколько.

Начнемъ, однако, не съ тѣхъ непосредственныхъ причинъ, которыми было вызвано учрежденіе гражданского брака въ западной Европѣ, а съ тѣхъ обстоятельствъ, которыми было подготовлено это учрежденіе.

Церковное благословіе браковъ, само по себѣ, не есть способъ вступленія въ бракъ, или заключенія брачнаго союза. Если набожный христіанинъ, выстроивъ новый домъ, не переходитъ въ него на жительство, не испросивъ прежде благословія Божія посредствомъ молебствія: то все таки нельзя сказать, чтобы молебеніе было тѣмъ самымъ актомъ, въ силу котораго устроенъ новый домъ. Съ такой же точки зрѣнія смотрѣли древніе христіане и на брачное благословіе. Чтобы законность брака поставить въ зависимость отъ совершенія церковнаго обряда, для этого требовалось изданіе государственнаго закона, который бы постановилъ, что бракъ, въ какой либо другой формѣ, кромѣ церковнаго вѣнчанія, не будетъ имѣть законной силы. А этого-то закона не издали и не могли издать христіанскіе императоры, непосредственно послѣ того какъ христіанство сдѣлалось государственною религіей римской имперіи. Уже ко времени распространенія христіанства въ римской имперіи, древнеримскіе религиозные обряды, благодаря паденію религіи и нравственности, перестали составлять общенародную потребность.

А что касается закона, то законъ и раньше требовалъ обязательной религиозной формы заключенія браковъ только отъ патриціевъ. Въ императорскія времена, по словамъ Гал, эта форма имѣла мѣсто только при бракахъ жрецовъ Юпитера, да и то, по свидѣтельству Тацита, въ царствованіе Тиберія, съ трудомъ могли отыскать трехъ патриціевъ, произшедшихъ отъ религиозныхъ патрицейскихъ браковъ, съ тѣмъ чтобы можно было изъ этихъ трехъ, слѣдуя обычаю, выбрать жреца Юпитерова¹²⁾. По отношенію же къ массѣ населенія, римскій законъ не требовалъ никакихъ формальностей при заключеніи браковъ: требовалось только, чтобы взаимное согласіе жениха и невѣсты было ясно выражено, но какъ, въ какой формѣ—это было, въ глазахъ закона, безразлично. Когда, со времени Константина Великаго, цѣлыя массы населенія хлынули въ церковь, даже епископамъ сдѣлалось невозможнымъ слѣдить за каждою, вступающею въ бракъ, парой, какъ это было возможно въ первоначальныхъ немногочисленныхъ христіанскихъ общинахъ, изъ которыхъ каждая имѣла своего епископа. Тѣмъ менѣе императоръ могъ разсчитывать на то, чтобы населеніе, привыкшее не стѣсняться законными формальностями при вступленіи въ браки, сразу же подчинилось требованію закона—соблюдать ту или другую формальность, хотя бы это было и церковное вѣнчаніе. Законы христіанскихъ императоровъ долгое время вполне согласовались съ древнимъ римскимъ правомъ. Такъ въ V столѣтіи (428 г.) Θεодосій и Валентиніанъ опредѣлили, что простаго объявленія согласія предъ свидѣтелями достаточно для того, чтобы бракъ былъ признанъ законнымъ, даже если бы не было приэтомъ никакихъ другихъ формальностей.¹³⁾ Черезъ 100 слишкомъ лѣтъ послѣ этого, императоръ Юстиніанъ предписалъ, что только лица изъ низшихъ классовъ народа могутъ заключать такіе безформенные браки, лица среднихъ классовъ, по нынѣшнему буржуазіи, должны являться къ церковному адвокату (на которомъ лежало веденіе судебныхъ процессовъ по дѣламъ церков-

нымъ), заявлять передъ нимъ свое согласіе на вступленіе въ бракъ, и адвокатъ обязывался составить письменный объ этомъ документъ за подписью своей и еще покрайней мѣрѣ трехъ свидѣтелей; высшимъ классамъ предписано составлять письменные договоры о приданомъ, которое невѣста приноситъ жениху, и о свадебномъ подаркѣ, который женихомъ представляется невѣстѣ. Въ этомъ законѣ юстиніановскомъ мы, очевидно, напрасно искали бы предписанія вступать въ браки посредствомъ церковнаго вѣнчанія¹⁴). Даже и въ болѣе позднее время, въ VIII столѣтіи, императоры Левъ и Константинъ указали богатымъ людямъ заключать брачный союзъ составленіемъ письменныхъ условій о приданомъ и проч., а людямъ небогатымъ предоставили вступать въ браки или при свидѣтеляхъ, или же и посредствомъ церковнаго благословенія¹⁵). Въ древнѣйшихъ вѣнчальныхъ ритуалахъ нѣтъ тѣхъ вопросовъ со стороны священника и тѣхъ словъ со стороны жениха и невѣсты¹⁶), въ которыхъ выражается ихъ взаимное согласіе на бракъ, — ясное доказательство, что и церковь смотрѣла на вѣнчаніе, только какъ на благословеніе, какъ на религіозное освященіе, а не какъ на такой актъ, посредствомъ котораго именно и заключался бы брачный союзъ. Однако, не поддерживаемый государственнымъ закономъ, а поощряемый и требуемый церковью одною, христіанскій обычай освящать вступленіе въ брачный союзъ церковнымъ благословеніемъ настолько укоренился и распространился съ теченіемъ времени, что въ концѣ IX столѣтія (въ 893 г.) императоръ Левъ, извѣстный въ исторіи подъ названіемъ Мудраго, предписалъ государственнымъ закономъ вступать въ браки не иначе какъ посредствомъ церковнаго вѣнчанія, такъ что бракъ, заключенный въ какой либо другой формѣ, долженъ былъ признаваться не законнымъ и недѣйствительнымъ¹⁷). Правда, закономъ императора Льва было сдѣлано еще далеко не все, чтобы правило о церковномъ вѣнчаніи распространялось на всѣхъ и cadaго безъ изыятія: громадная масса несвободнаго населе-

нія—рабы и крѣпостные—остались внѣ этого закона, и потребовались еще двѣсти лѣтъ, пока новымъ императорскимъ закономъ (Алексѣя Комнена 1085 и 1092 года) церковное вѣнчаніе не было распространено и на лицъ не свободныхъ¹⁸). Итакъ почти цѣлое тысячелѣтіе длился процессъ превращенія церковнаго вѣнчанія въ тотъ именно актъ, которымъ бракъ заключается. За это долгое время законными считались всѣ браки, въ которые вступали поданные римской имперіи на основаніи гражданскихъ законовъ, все равно были ли они обвѣнчаны въ церкви или не обвѣнчаны. Мало того, церковь не сливала еще и понятія таинства съ церковнымъ вѣнчаніемъ. Таинство понималось такъ, какъ понимали его Златоустъ и Августинъ на основаніи словъ апостола, т. е. таинство прилагалось къ самому супружескому союзу, исполненному сверхъ-естественной любви и неразрывному, а не къ церковному священнодѣйствию.

Собственно говоря, еще чуть не цѣлымъ столѣтіемъ раньше Льва Мудраго императоръ возстановленной римской имперіи на западѣ Карлъ Великій издалъ въ 802 г. законъ, въ которомъ было сказано, что, въ предупрежденіе безчестныхъ и воспрещенныхъ браковъ, епископы и пресвитеры, вмѣстѣ съ старѣйшими изъ народа, должны тщательно изслѣдовать родство, и затѣмъ должно совершаться благословеніе браковъ священникомъ¹⁹). Но потому ли, что законъ этотъ былъ законъ несовершенный (*lex imperfecta*), т. е. что въ немъ заключалось одно только предписаніе безъ указанія тѣхъ послѣдствій, которыми должны сопровождаться браки, заключаемые безъ церковнаго благословенія, т. е. безъ назначенія наказанія нарушителямъ закона, и безъ добавленія, что бракъ, заключенный съ опущеніемъ священническаго благословенія, не будетъ считаться бракомъ законнымъ,—потому ли, что съ упадкомъ дома каролинговъ императорская власть оказалась безсильною настаивать на исполненіи этого закона,—потому ли наконецъ, что законъ Карла Великаго не согласовался съ взглядами римскокатолической цер-

кви и римскихъ папъ, какъ это разъяснено будетъ ниже,—на западѣ церковное вѣнчаніе не сдѣлалось законной формой вступленія въ супружескій союзъ. Нѣкоторые впрочемъ и закону Карла придаютъ такой смыслъ, что центръ тяжести въ немъ составляетъ изслѣдованіе о томъ, нѣтъ ли законныхъ препятствій къ браку: это и требуется прежде всего и главнымъ образомъ, а *затѣмъ* уже, говоритъ законъ, *можно* приступить и къ благословенію брака, т. е. законъ запрещаетъ благословеніе браковъ безъ предварительнаго изслѣдованія о препятствіяхъ къ браку, а не имѣетъ въ виду обязать къ заключенію браковъ единственно посредствомъ священническаго благословенія²⁰).

III.

Не задолго передъ тѣмъ, какъ глава восточнаго христіанства, императоръ Левъ Мудрый узаконилъ церковное вѣнчаніе для лицъ свободныхъ, о томъ же предметѣ высказался глава западнаго христіанства римскій папа. Новообращенные въ христіанство около половины IX в., болгары, опасаясь, что церковная связь ихъ съ Византіей поведетъ къ политическому порабощенію народа болгарскаго, вошли въ сношенія съ римскимъ папой и представили ему длинный рядъ запросовъ о томъ, какіе христіанскіе порядки слѣдовало бы ввести въ болгарской странѣ. Между прочимъ, предложенъ былъ вопросъ и о томъ, какъ нужно заключать браки. Папа разсказалъ въ своемъ отвѣтѣ, какой порядокъ въ этомъ отношеніи наблюдается у римлянъ: сначала обрученіе, потомъ составленіе письменнаго контракта, затѣмъ принятіе благословенія въ храмѣ Вожіемъ, послѣ чего новобрачные надѣваютъ вѣнцы, при выходѣ изъ церкви. Но всѣ эти брачныя церемоніи, добавилъ папа, не имѣютъ такого значенія, чтобы несоблюденіе ихъ было грѣхомъ, какъ вамъ говорятъ греки, особенно для людей бѣдныхъ, которымъ невозможно было бы исполнить всѣ подобныя церемоніи; ибо,

по законамъ, для заключенія брака достаточно одного взаимнаго согласія жениха и невѣсты на супружество. Согласіе— это главное, и если бы его-то именно и не было, то хотя бы исполнены были всѣ брачныя церемоніи, никакого брака не было бы ²¹⁾.

Сравнивая взглядъ римскаго папы съ закономъ восточнаго императора, нельзя не замѣтить, что императоръ издалъ свой законъ, руководясь болѣе церковными, чѣмъ государственными соображеніями, римскій папа напротивъ высказался какъ государственный человекъ и юристъ, какъ свѣтскій законодатель, руководясь соображеніями гражданскими, рассуждая такъ, какъ рассуждало нѣкогда старинное римское право. Нельзя отрицать, что законъ восточнаго императора, ставшій закономъ для всего восточнаго православнаго христіанства, могъ приводить къ злоупотребленіямъ: вслѣдствіе того, что вся важность поставлена въ церковномъ обрядѣ, значеніе согласія жениха и невѣсты часто сводилось къ нулю, такъ что нерѣдко могли составляться браки невольные, вынужденные, какъ это и было дѣйствительно и въ Византіи, и у насъ въ Россіи до Петра Великаго. Однако, въ сравненіи съ тѣми безпорядками, которые мы видимъ на западѣ не только въ средніе вѣка, но и въ новой исторіи, законъ Льва Мудраго на самомъ дѣлѣ оказался закономъ мудрымъ.

Взглядъ римскаго папы, высказанный въ отвѣтахъ на вопросы болгарь, сдѣлался на долгое время руководящимъ для западнаго христіанства, отчасти по привязанности къ римскому праву, отчасти и по соображеніямъ религіозно—христіанскимъ. Въ Св. Писаніи новаго завѣта не указано никакой опредѣленной формы для вступленія въ бракъ, а между тѣмъ въ священномъ же Писаніи бракъ называется тайною, или, какъ стала его называть церковь, таинствомъ. Не было-ли бы противно Свящ. Писанію устанавливать разныя формальности вступленія въ бракъ и, въ случаѣ неисполненія этихъ формальностей, объявлять его недѣй-

ствительнымъ, а между тѣмъ передъ Богомъ, можетъ быть, и этотъ неформальный бракъ есть таинство, въ смыслѣ исполненнаго непоколебимой любви и нерасторжимаго союза? Не было ли бы извращеніемъ божественнаго порядка, если бы лица, серьезно и добросовѣстно заключившія такой неформальный бракъ, вслѣдствіе признанія его недѣйствительнымъ, получали возможность вступать въ новый бракъ, который церковью будетъ считаться законнымъ, а по Евангелію будетъ беззаконнымъ? Опасеніе за неприкосновенность таинства было такъ велико въ западномъ христіанствѣ, что считались законными и браки тайные, т. е. такіе, гдѣ взаимное согласіе жениха и невесты было дано безъ всякихъ свидѣтелей, даже считались законными мужемъ и женой тѣ обрученные, которые, по прошествіи нѣкотораго времени послѣ обрученія, безъ всякихъ формальностей начинали супружескую жизнь ²²). Понятно къ какимъ практическимъ неудобствамъ долженъ былъ повести этотъ порядокъ. Тайные браки (*clandestina matrimonia*) сдѣлались обыденнымъ явленіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ грознымъ социальнымъ зломъ.

Власть, какъ церковная, такъ и гражданская, лишена была всякой возможности оказать законную поддержку прогнанной женѣ или оставленному мужу, вмѣстѣ съ брошенными дѣтьми, такъ какъ невозможно было доказать существованіе брачнаго союза между данными лицами, какъ скоро одно изъ нихъ отрицало такой союзъ. Власть не могла помѣшать этимъ лицамъ вступать въ новые браки съ другими лицами. Близкіе родственники могли вступать, безъ всякой помѣхи, въ супружеское сожитіе. Наконецъ, люди благоразумные, родители въ особенности, лишены были всякой возможности удержать неблагоразумныхъ дѣтей отъ необдуманнаго брака. Зло было такъ велико, что нужно было принять противъ него серьезныя мѣры. Римская церковь стала запрещать такіе браки, но стремилась въ этомъ случаѣ не къ тому, чтобы непременно связать бракъ съ церковнымъ вѣнчаніемъ, а къ тому, чтобы придать заклю-

ченію брака публичный, гласный характеръ. Она убѣждала, правда, всѣхъ христіанъ принимать церковное благословеніе на бракъ, подобно тому какъ она убѣждала всѣхъ, приступающихъ къ какому нибудь важному дѣлу, испросить сначала благословеніе Божіе на это дѣло; но юридическую, законную важность она придавала именно этой гласности, публичности и съ этой точки зрѣнія она находила безразличнымъ, заявлено ли будетъ согласіе жениха и невѣсты передъ священникомъ, или передъ нотаріусомъ съ свидѣтелями ²³). Церковь не воспользовалась народнымъ обычаемъ, который началъ складываться съ XIII в., такъ, какъ позднѣе воспользовались этимъ обычаемъ въ странахъ, принявшихъ реформацію. А обычай этотъ состоялъ въ томъ, что, съ паденіемъ стариннаго юридическаго порядка, по которому отецъ или опекунъ (вообще властодержатель *mundium'a*) торжественно передавалъ, вручалъ, ввѣрялъ невѣсту жениху, и эта передача (Trauung) считалась бракозаключительнымъ моментомъ, съ XIII вѣка священникъ сталъ совершать эту передачу во имя Бога и объявлять жениха и невѣсту взаимно супругами, между тѣмъ какъ до XIII в. священническое содѣйствіе при Trauung состояло лишь въ благословеніи и молитвѣ ²⁴).

Притомъ, сначала тайные браки запрещались не такъ, чтобы они объявлялись прямо недѣйствительными, а только въ томъ смыслѣ, что за вступленіе въ тайный бракъ виновные въ нарушеніи церковнаго закона могли быть подвергнуты наказанію, самый же бракъ оставляемъ былъ въ полной законной силѣ. Наконецъ около половины XVI в. тридентскій соборъ выработалъ законную форму вступленія въ браки, отъ которой исключительно зависитъ дѣйствительность брачнаго союза. И для этого собора главная цѣль опять таки состоитъ въ томъ, чтобы гарантировать публичность брака: соборъ не старается связать его съ церковнымъ вѣнчаніемъ. Хотя онъ и увѣщаетъ каждаго католика принимать церковное благословеніе на бракъ, но юридическія требованія съ нравственными увѣщаніями соборъ не смѣшиваетъ.

При первомъ голосованіи на соборѣ, послѣ дебатовъ по этому вопросу, было опредѣлено, что согласіе на бракъ должно быть дано предъ тремя свидѣтелями, а при второмъ голосованіи было прибавлено, что одинъ изъ этихъ свидѣтелей долженъ быть *приходскій священникъ* жениха или невесты ²⁵). Такимъ образомъ, для дѣйствительности брака въ католической церкви требуется заявленіе согласія на бракъ въ присутствіи приходскаго священника и еще двухъ свидѣтелей. Присутствіе, ассистенція, священника можетъ быть чисто пассивное безъ всякихъ дѣйствій съ его стороны: нужно лишь, чтобы священникъ сознавалъ то, что происходитъ предъ нимъ, и слышалъ заявляемое женихомъ и невестою взаимное согласіе на бракъ. Поэтому, если бы священника связали и заставили быть невольнымъ свидѣтелемъ при заявленіи брачнаго согласія, — все равно, такимъ заявленіемъ былъ бы основанъ вполне законный бракъ. Равнымъ образомъ, если бы въ жизни встрѣтился такой случай, какой описывается въ романѣ Манцони „*I promessi sposi*“, именно если бы женихъ и невеста, при безнадежности полученія согласія родителей на ихъ бракъ, запасшись двумя свидѣтелями, встрѣтили священника на прогулкѣ и заявили ему — одинъ: „вотъ эту особу я желаю имѣть женою“, другая: „вотъ эту особу я желаю имѣть мужемъ“, такой бракъ былъ бы вполне законнымъ. Такъ истолковывается наукой и практикой западно — европейскою сущность тридентской формы заключенія брака; но однако и эта форма далеко не вездѣ и не для всѣхъ католиковъ обязательна. Въ постановленіи тридентскаго собора сказано, что эта форма становится обязательною въ каждомъ католическомъ приходѣ черезъ 30 дней послѣ публикаціи въ немъ каноновъ тридентскаго собора. Но въ нѣкоторыхъ странахъ и до сихъ поръ не состоялось публикаціи ихъ, напр. въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, признавшихъ уже реформацію ко времени тридентскаго собора, въ скандинавскихъ государствахъ, въ Даніи, Голландіи, Англіи, Россіи. Стало быть, для всѣхъ католиковъ, проживающихъ въ этихъ странахъ, и до-

сихъ поръ возможно заключать браки тѣмъ порядкомъ, который существовалъ въ средніе вѣка. Мало того, для нѣкоторыхъ мѣстностей, независимо отъ соображенія о томъ, опубликованы ли здѣсь постановленія тридентскаго собора, или не опубликованы, позднѣйшіе папы, въ видѣ исключенія, по разнымъ соображеніямъ, дозволили вступленіе въ бракъ безъ соблюденія тридентской формы (Бенедиктъ XIV въ 1741 г. для Голландіи и Бельгіи, Климентъ XIII въ 1765 г. для діоцеза бриславскаго, Пій VIII въ 1831 г., для кельнской церковной провинціи) ²⁶). Во всякомъ случаѣ таинство брака не ставится въ зависимость отъ церковнаго вѣнчанія: по воззрѣніямъ римско-католической церкви, бракъ есть таинство не по церковному его вѣнчанію, а по самому его существу, какъ союзъ любви, непоколебимый никакими испытаніями и не разрывающійся до конца жизни супруговъ.

Выходитъ такимъ образомъ трудно понимаемый выводъ: бракъ, заключаемый посредствомъ простаго, неформальнаго заявленія согласія женихомъ и невѣстою, будетъ или не будетъ таинствомъ смотря потому, опубликованы или не опубликованы въ данной мѣстности постановленія тридентскаго собора. Въ одной странѣ бракъ есть таинство, если онъ заключается въ формѣ, предписанной тридентскимъ соборомъ; въ другой онъ будетъ таинствомъ и тогда, когда заключенъ во всякой формѣ, выражающей взаимное согласіе жениха и невѣсты, въ томъ числѣ и передъ гражданскимъ чиновникомъ.

Защитники гражданского брака въ западной Европѣ совершенно основательно говорятъ его противникамъ, что римская церковь не въ правѣ возражать противъ всякой формы, если только ею достаточно гарантируется публичность брака. Не все ли равно: заявить согласіе передъ священникомъ и двумя свидѣтелями, или же передъ государственнымъ чиновникомъ и двумя свидѣтелями. Благословеніе священническое или вѣнчаніе не требуется церковнымъ закономъ. А что касается таинства, то, по

ученію римской церкви самой, оно заключается не въ церковномъ какомъ либо дѣйстви, а въ самомъ существѣ супружескаго союза.

Съ общекатолическимъ пониманіемъ таинства брака несогласны были издавна французскіе богословы. Во Франціи держались того взгляда, что бракъ становится таинствомъ черезъ вѣнчаніе священника; вѣнчаніе же священника, а не ассистенція лишь его, требуется и для законности брака. Такимъ образомъ французскій взглядъ вполнѣ согласовался съ восточнымъ. Но по какой-то странной игрѣ обстоятельствъ, французскій взглядъ на бракъ, даже еще въ большей степени, чѣмъ общекатолическій, проложилъ дорогу гражданскому браку во Франціи. Въ этой, „христіанинѣйшей“ когда-то, странѣ гражданскій бракъ пережилъ наиболѣе интересную и поучительную исторію. Во Франціи, можно сказать, завершился полный циклъ развитія этого явленія въ государственной жизни.

Церковные депутаты, явившіеся изъ Франціи на тридентскій соборъ, имѣли порученіе отъ французскаго королевскаго правительства настаивать на томъ, чтобы соборъ опредѣлилъ считать незаконными всѣ браки, заключенные дѣтьми безъ согласія родителей, въ виду слишкомъ частыхъ *mésalliances*. Соборъ обсудилъ это требованіе и отвергъ его, рассуждая такъ, что родители могутъ злоупотреблять своею властію, могутъ насильно принуждать дѣтей къ вступленію въ нежелательные браки, и напротивъ насильно же удерживать отъ желательныхъ, тогда какъ главное въ бракъ—это взаимное согласіе тѣхъ лицъ, которыя вступаютъ въ браки, что подобающая родительской власти дань уваженія будетъ достаточна, если объявить, что непослушныя дѣти будутъ подвергаемы тѣмъ или другимъ наказаніямъ, причемъ однако самые браки, заключенные противъ воли родителей, должны быть оставляемы въ законной силѣ ²⁷). Неудача, которую потерпѣло французское предложеніе на тридентскомъ соборѣ, отчасти условливалась и тѣмъ еще, что Лютеръ, противъ котораго

составился тридентскій соборъ, также склонялся къ признанію самой широкой родительской власти, вслѣдствіе чего французское предложеніе казалось даже подозрительнымъ отцамъ тридентскаго собора; но конечно, чему бы ни приписывать неудачу, она не могла быть пріятна французскому королевскому правительству. Короли долгое время не обращали вниманія на постановленія тридентскаго собора, и не раньше какъ въ 1579 г. былъ изданъ знаменитый блуаскій ордонансъ, которымъ, однако, узаконена была форма заключенія брака, нѣсколько отличная отъ тридентской. Ордонансъ напр. не довольствуется пассивной ассистенціей священника, требуя непременно церковнаго вѣнчанія, и затѣмъ, вмѣсто трехъ свидѣтелей, потребовалъ четырехъ. Уже изъ этого различія вытекало не мало практическихъ трудностей, такъ какъ духовнымъ судамъ, вѣдавшимъ брачныя дѣла, приходилось объявлять, на основаніи ордонанса, недѣйствительными такіе браки, которые, на основаніи постановленій тридентскаго собора, должны быть признаваемы дѣйствительными. О томъ, какое значеніе нужно придавать родительскому согласію на вступленіе дѣтей въ браки, блуаскій ордонансъ выразился неясно. За то, съ не допускающею никакихъ сомнѣній, ясностію высказался на этотъ счетъ король Людовикъ XIII въ 1629 г. который объявилъ ничтожными всѣ браки, заключенные противъ воли родителей дѣтьми, не достигшими 25 лѣтняго возраста. Когда французское духовенство сдѣлало представленія королю по этому поводу, королевскіе комиссары отвѣтили, что распоряженія королевскаго закона относятся только къ *гражданскому контракту*, не касаясь таинства, которое находится въ вѣдѣніи церковномъ. Стали различать въ бракѣ религиозное его освященіе отъ того гражданскаго контракта, который получаетъ это религиозное освященіе. Одинъ придворный казусъ еще дальше подвинулъ дѣло въ этомъ направленіи. Гастонъ орлеанскій, братъ Людовига XIII, женился на принцессѣ Маргаритѣ лотарингской: бракъ этотъ былъ въ высшей степени

неприятенъ королю, и рѣшено было, во что бы то ни стало, добиться уничтоженія его. По французскимъ законамъ, за похищеніе дѣвицы или женщины полагалось наказаніе, и, кромѣ того, бракъ между похитителемъ и похищенной, если бы даже онъ и состоялся, признавался незаконнымъ. Придумано было самое широкое толкованіе слова: „похищеніе“. Не только насильственное завладѣніе и увозъ особы другаго пола, но и всякаго рода вліяніе подведено было подъ это понятіе, такъ что самая скромная и самая робкая молодая дѣвушка могла, въ силу этого толкованія, благодаря своимъ прекраснымъ глазамъ, похитить мужчину — совершить преступленіе, которое названо было *gât de seduction*. Въ этомъ преступленіи обвинена была и Маргарита лотарингская, хотя жертва предполагаемаго преступленія — Гастонъ орлеанскій вовсе не былъ легко поддающимся всякому впечатлѣнію юношей, такъ какъ онъ былъ уже вдовцомъ послѣ перваго его брака съ г-жею Монпасье. Бракъ былъ тѣмъ не менѣе уничтоженъ постановленіемъ парижскаго парламента 5 сентября 1654 г. Принцъ протестовалъ противъ рѣшенія парламента.

Парламентъ, говорилъ онъ, не компетентенъ рѣшать подобныя дѣла; вопросъ касается тутъ церковнаго таинства и долженъ быть рѣшенъ духовнымъ судомъ. Ему отвѣтили, что въ бракъ не можетъ быть таинства, если гражданскій брачный контрактъ не согласуется съ законами королевства, что таинство возможно только тогда, когда матеріальное его содержаніе — брачный договоръ — удовлетворяетъ требованіямъ закона, что гдѣ нѣтъ законнаго контракта, тамъ нѣтъ и таинства, и что сужденіе о законности контракта принадлежитъ исключительно королевскимъ судьямъ. Вѣдь на примѣръ, говорили, если бы возникло сомнѣніе на счетъ того, совершилось ли крещеніе въ натуральной водѣ, или въ какой нибудь другой жидкости, сомнительный вопросъ нужно бы было отдать на разрѣшеніе врачей и натуралистовъ, а не духовенства. Самые выдающіеся юристы того вре-

мени, какъ Потье, поддержали взглядъ парламента, а за юристами послѣдовали и французскіе богословы ²⁸). Сформировался національно—французскій взглядъ, что въ бракѣ нужно различать церковное таинство и гражданскій договоръ, и что, рассматриваемый какъ договоръ, бракъ, подобно всякому другому контракту, подлежитъ государственному законодательству и государственнымъ судамъ.

IV.

Церковными воззрѣніями, какъ общекатолическими, такъ и національно-французскими была подготовлена удобная почва для учрежденія гражданского брака. Дѣйствительными же причинами, которыя вызвали это учрежденіе, были: вопервыхъ образованіе множества религіозныхъ направленій и сектъ со времени реформаціи, и во вторыхъ философія „естественнаго права“. Эти причины во Франціи дѣйствовали не менѣе, чѣмъ въ другихъ европейскихъ странахъ, и однако первые опыты введенія гражданского брака были сдѣланы не во Франціи, гдѣ въ большей степени была подготовлена почва для него, а въ Голландіи и въ Англіи. Уже позднѣе, какъ бы принявъ къ свѣдѣнію эти чужестранные опыты, Франція стала задавать тонъ другимъ государствамъ своимъ законодательствомъ о гражданскомъ бракѣ.

Во второй половинѣ XVI в. въ голландскихъ штатахъ господствующимъ вѣроисповѣданіемъ оказалось реформатское, такъ какъ большинство населенія послѣдовало ученію Кальвина. Но вмѣстѣ съ реформатскою церковью возникло и множество другихъ сектъ, и кромѣ того часть населенія оставалась вѣрною римскокатолической церкви, которая, по освобожденіи Нидерландовъ отъ испанскаго ига, изъ притѣснительницы сдѣлалась жертвою притѣсненія. Пока католицизмъ господствовалъ, католическое духовенство не позволяло духовенству другихъ религіозныхъ партій благословлять браки христіанъ, принадлежащихъ къ этимъ партіямъ. Когда кальвинизмъ сдѣлался господствующимъ вѣро-

исповѣданіемъ, духовенство реформатское стало дѣйствовать нисколько не лучше католическаго. Такимъ образомъ, всѣ такъ называемые диссиденты, т. е. послѣдователи всѣхъ разнообразныхъ сектъ, уклоняющихся отъ господствующей и единственно признанной религіи, въ томъ числѣ и всѣ католики, обязаны были являться для благословенія своихъ браковъ къ реформатскимъ священникамъ, по реформатскому церковному обряду. Можно себѣ представить, насколько трудно было примириться съ подобнымъ порядкомъ вещей: въ XVI в. не было не только того индифферентизма, который можно наблюдать въ наше время, но и той взаимной терпимости, которая бы давала возможность мирнаго совмѣстнаго сожителства, при всемъ различіи религіозныхъ вѣрованій. Религіозныя партіи стояли лицомъ къ лицу на военномъ положеніи, со всею искренностію религіозной страсти и со всею пыломъ религіозной вражды, — развѣ можно было, при такихъ обстоятельствахъ, рассчитывать на то, что лютеранинъ, католикъ, анабаптистъ, гусситъ, послѣдователь Социна, будутъ являться къ реформатскому пастору для благословенія своихъ браковъ? Положимъ даже, что государственная власть отрѣшилась бы отъ той нетерпимости, которая внушалась ей духовенствомъ господствующаго вѣроисповѣданія, и дозволила бы всемъ сектантамъ заключать браки у своихъ духовныхъ лицъ, по ихъ религіознымъ обрядамъ. Но и въ такомъ случаѣ затрудненія не устранялись бы. Религіозныя общества возникали и видоизмѣнялись, не представляя собою какой либо опредѣленной, неподвижной величины. Многія изъ нихъ не имѣли твердой организаціи, не имѣли постоянныхъ духовно-должностныхъ лицъ, на которыхъ государство могло бы рассчитывать, какъ на гарантію правильнаго заключенія браковъ. Правительство голландское имѣло достаточно здраваго смысла, чтобы понять очень простыя истины, которыя, не смотря на ихъ простоту, многими европейскими правительствами не понимались даже и нѣсколькими столѣтіями позднѣе. Разность въ религіозныхъ вѣ-

рованіяхъ, очевидно, не мѣшаетъ людямъ желать жениться и замужъ выходить. Не дать же этимъ людямъ возможности вступать въ законные браки значитъ поставить ребромъ весь общественный порядокъ. Чѣмъ гарантировать въ такомъ случаѣ всегда желательную для государства крѣпость отношеній мужчины и женщины, считающихъ себя въ данный моментъ мужемъ и женой, если эти люди не нашли для себя возможнымъ прибѣгнуть къ той формѣ брака, которая, въ глазахъ государства, есть единственно законная форма, или если она оказалась невозможною даже при желаніи ихъ, напр. если реформатскій пасторъ просто-на-просто отказывался вѣнчать „еретиковъ“? Какимъ способомъ охранить интересы дѣтей, придать правильный видъ порядку наследованія и опеки и проч.? Такова была крайняя необходимость, очевидная нужда, въ которой находилось государственное правительство. Оно нашло выходъ изъ этой крайней нужды введеніемъ гражданскаго брака для всѣхъ тѣхъ лицъ, которымъ нѣтъ возможности вступить въ законный бракъ другимъ способомъ, т. е. которые или сами не пожелаютъ идти вѣнчаться къ духовному лицу другой религіи, или встрѣтятъ въ этомъ духовномъ лицѣ отказъ обвѣнчать ихъ. Въ такихъ случаяхъ дозволено являться къ государственному чиновнику и передъ нимъ заявлять согласіе на вступленіе въ бракъ, которое тутъ же и записывается въ официальную метрическую книгу. Этотъ порядокъ введенъ былъ въ 1580 г. въ двухъ штатахъ и въ 1656 г. распространенъ на всѣ Нидерланды ²⁹⁾. Гражданскій бракъ, введенный въ Нидерландахъ и послѣ вводившійся въ другихъ государствахъ на этихъ же самыхъ основаніяхъ, получилъ названіе: „Nothcivilehe“, т. е. вынужденнаго крайнею необходимостію гражданскаго брака.

Другой ранній опытъ введенія гражданскаго брака былъ сдѣланъ въ Англіи, въ эпоху революціи. Законъ, изданный при Кромвелѣ въ 1653 г., былъ совершенно неожиданнымъ и неподготовленнымъ явленіемъ въ европейской исторіи. Онъ со-

вѣмъ устранилъ духовенство отъ участія въ заключеніи браковъ. Бракъ долженъ заключаться такимъ образомъ, что сначала женихъ и невѣста должны записаться въ реестры гражданскаго состоянія, веденіе которыхъ возложено на особаго государственнаго чиновника, а затѣмъ, въ сопровожденіи двухъ или трехъ достовѣрныхъ свидѣтелей, явиться къ мирному судѣ округа и заявить передъ нимъ о своемъ взаимномъ согласіи на бракъ, безъ всякой другой церемоніи, кромѣ соединенія правыхъ рукъ, даже безъ употребленія колецъ, какъ имѣющихъ католическое и языческое происхожденіе. Мирный судья, выслушавъ согласіе, объявляетъ бракъ заключеннымъ. Вѣроятными мотивами къ изданію этого закона, совершенно устранившаго духовенство отъ всякаго участія въ заключеніи браковъ, были: ненависть индепендентовъ ко всякой государственной церкви, и въ особенности къ англиканской, приверженной къ королю, и преслѣдованіе пуританскаго идеала очищенія церкви отъ всякихъ мірскихъ примѣсей, отъ всякаго вторженія въ мірскія дѣла, съ возвращеніемъ къ простотѣ и благочестію апостольскихъ временъ. Кромвелевскій законъ не стяжалъ себѣ популярности въ массѣ населенія. Остряки смѣялись надъ наступленіемъ золотого вѣка, когда присужденіе къ петлѣ, т. е. къ висѣлицѣ, и скрѣпленіе брачныхъ узъ разсматриваются какъ вещи, близко родственныя между собою, ибо и тамъ и тутъ дѣйствуетъ одинъ и тотъ же судья. Съ реставраціей Стюартовъ, законъ Кромвеля былъ отмѣненъ, оставшись внѣ исторической связи съ предшествовавшею и послѣдующею исторіею англійской гражданской жизни³⁰).

Во Франціи до XVIII в. не замѣчается ничего подобнаго благоразумнымъ мѣрамъ, принятымъ въ Нидерландахъ. Съ тѣхъ поръ какъ реформаторскія ученія проникли во Францію, послѣдователи ихъ должны были выдержать рядъ преслѣдованій со стороны церкви и государства. Браки ихъ подвергались то большимъ, то меньшимъ стѣсненіямъ; напр. не говоря о томъ, что легальность брака условливалась благословеніемъ католическаго

священника, брачныя дѣла ихъ были отдапы въ завѣдываніе католическихъ духовныхъ судовъ, которые дѣйствовали на основаніи своего каноническаго права. Съ отмѣной нантскаго эдикта въ 1685 г., всѣмъ протестантскимъ пасторамъ было предписано немедленно оставить Францію. Вслѣдствіе этого, заключеніе браковъ съ участіемъ протестантскаго духовенства, практиковавшееся до сихъ поръ въ широкихъ размѣрахъ, не смотря на всѣ запрещенія, должно было стать невозможнымъ. Не смотря, однако, на предписаніе правительства, множество протестантскаго духовенства осталось и укрывалось во Франціи. Въ лѣсахъ, въ пещерахъ, въ глубокихъ пропастяхъ совершало оно богослуженіе, собирая сюда членовъ гонимой церкви. Сюда же являлись и желавшіе вступить въ бракъ, получали отъ своего священника благословеніе и начинали жить какъ супруги, не заботясь о гражданскихъ послѣдствіяхъ и о наказаніяхъ, такъ какъ суды не придавали этимъ бракамъ ровно никакого значенія. Католическому духовенству не могли быть неизвѣстны эти безчисленные „*matriages du desert*“ — такъ называемы были эти браки; но и католическое духовенство начало чувствовать нѣкоторыя сомнѣненія совѣсти. Допускать „еретиковъ“ къ церковному священнодѣйствію, преподавать таинство людямъ невѣрующимъ, не желающимъ, внутренно осмѣивающимъ это таинство, должно было казаться добросовѣстному священнослужителю профанаціей святыни. Вслѣдствіе этого, многіе католическіе священники отказывали протестантамъ въ вѣнчаніи, а это вело лишь къ увеличенію числа „пустынныхъ браковъ“.

Бывали и такіе казусы, когда сердце человѣческое не слушалось религіозной вражды, когда гугенотка отдавала свое сердце католику, когда протестантъ рѣшался соединить свою судьбу съ судьбой дѣвицы изъ католической семьи. Эти „смѣшанные браки“ сопряжены были едва ли не съ большими еще затрудненіями. Тутъ не только католическое духовенство вооружалось противъ вступленія въ бракъ съ „еретиками“, съ явную опас-

ностию для спасенія души; тутъ и протестантское духовенство готово было дѣйствовать всѣми силами противъ подобныхъ браковъ. Нужда нерѣдко дѣлала людей изобрѣтательными. Женихъ и невѣста, предвидя отказъ мѣстнаго католическаго священника обвѣнчать ихъ, тѣмъ не менѣе шли къ нему, пригласивъ съ собою нотариуса, и когда священникъ на ихъ просьбу обвѣнчать отвѣчалъ отказомъ, они заявляли, что все таки согласны вступить въ супружество, такъ что это заявленіе слышали и священникъ, и нотариусъ, — тѣмъ самымъ желали придать браку легальный характеръ. Людовикъ XIV запретилъ совершенно и смѣшанные браки, и всякое участіе нотариусовъ въ легализированіи брака ³¹).

Крайне стѣсненное положеніе французскихъ протестантовъ заставило ихъ обратить вниманіе на то, что во Франціи уже издавна бракъ, какъ таинство, отличался отъ брака, какъ договора. Для нихъ самое лучшее было доказывать, что король есть полный хозяинъ, безъ всякаго вмѣшательства церкви, устанавливать законныя условія и законную форму для брачныхъ договоровъ своихъ подданныхъ, какого бы они ни были вѣроисповѣданія. Протестанты дѣйствительно съ жаромъ и отстаивали въ литературѣ идею брачнаго договора и королевскія права относительно этого договора. Таковъ напр. *Mémoire sur les mariages des protestants*, появившійся въ Парижѣ въ 1755 г. Авторъ мемуара, слѣдя исторически за судьбой протестантовъ во Франціи, желалъ доказать, что, во время дѣйствія нантскаго эдикта, протестантамъ дозволено было вступать въ браки передъ ихъ духовными лицами; но потомъ неожиданно сдѣлалъ отсюда не тотъ выводъ, что духовенству протестантскому и на будущее время должно быть предоставлено право вѣнчать, а тотъ, что браки должны заключаться передъ гражданскимъ чиновникомъ ³²).

Королевскій законъ въ этомъ смыслѣ дѣйствительно и былъ изданъ Людовикомъ XVI въ 1787 г. Закономъ введенъ для протестантовъ такъ называемый факультативный гражданскій

бракъ, т. е. для желающихъ, на выборъ. Именно протестантамъ предоставлено на выборъ вступать въ браки или передъ государственно-должностнымъ лицомъ—мѣстнымъ судьей въ его помѣщеніи, или передъ католическимъ священникомъ въ помѣщеніи этого послѣдняго, посредствомъ объявленія взаимнаго согласія жениха и невѣсты, послѣ чего судья или священникъ объявляетъ ихъ супругами по закону и регистрируетъ событіе брака, т. е. записываетъ его въ установленную брачную книгу. Такимъ образомъ, протестантамъ французскимъ была дана возможность вступать въ законные браки, обходя католическое духовенство, причемъ, однако, за протестанскимъ духовенствомъ не было признано право вѣнчанія съ законными послѣдствіями³³).

Король Людовикъ XVI запоздалъ съ своимъ закономъ о факультивномъ гражданскомъ бракѣ для протестантовъ. Протестанты французскіе были не единственные люди, имѣвшіе интересъ развивать идею брака, какъ гражданского договора. Уже начиналась великая французская революція. Давно во Франціи чувствовалось вліяніе „естественнаго права“, давно слышались разсужденія о непосредственно-природныхъ, „естественныхъ правахъ“ каждаго человѣка; давно нѣкоторые грезили „естественнымъ состояніемъ“, которое когда-то существовало, и къ которому нужно вернуться. Въ этомъ естественномъ состояніи всѣ человѣческія отношенія возникаютъ только путемъ договора. Какое дѣло до разныхъ „историческихъ случайностей“, до того, что и какъ дѣлалось въ разныя времена у разныхъ народовъ,—нужно смотрѣть на то, какъ по разуму должно быть. А по разуму все основывается на договорѣ и все происходитъ изъ договора. Договорились между собою люди образовать государство,—и стало государство; согласились перенести всѣ права на одно лицо и подчиниться ему,—и явилась государственная власть. Эта власть, государственная или гражданская, основанная на договорѣ равныхъ между собою людей, есть власть всюду проникающая: она дѣйствуетъ вездѣ и во всемъ, она устанавливаетъ даже догматы гражданской религіи

для подданныхъ, она опредѣляетъ условія и форму для всѣхъ актовъ, имѣющихъ значеніе въ жизни гражданской, тѣмъ болѣе для брака, который и самъ по себѣ есть не что иное какъ договоръ, свободною волею создаваемый и свободною волею разрушаемый. Апостоль „естественнаго права“ во Франціи, Ж. Ж. Руссо въ весьма рѣшительныхъ выраженіяхъ высказался на счетъ брака и семьи. Бракъ, говорилъ онъ, есть контрактъ гражданскій и имѣеть послѣдствія гражданскія, безъ которыхъ невозможно существованіе самого общества. И если предположить, что духовенство будетъ стремиться присвоить себѣ одному право на совершеніе этого акта, какъ это и бываетъ во всякой интолерантной религіи, то не обратится ли въ этомъ случаѣ авторитетъ главы государства въ пустое слово, и не окажутся ли подданными его лишь тѣ, кого духовенство соблаговолитъ ему дать? Будучи хозяиномъ надъ бракомъ, допуская или не допуская къ его заключенію, смотря потому, какою религію исповѣдуютъ желающія вступить въ бракъ лица, духовенство будетъ въ концѣ концовъ распоряжаться и наслѣдствами, и должностями, и гражданами, и самимъ государствомъ. Что касается семьи, то, по ученію Руссо, общество семейное есть самое древнее и самое естественное изъ всѣхъ обществъ. Дѣти остаются привязанными къ отцу, пока нуждаются въ его охранѣ, но тотчасъ, какъ эта потребность прекращается, естественная связь разрывается. Дѣти, освобожденные отъ повиновенія отцу, отецъ, освобожденный отъ заботъ о дѣтяхъ—всѣ равно получаютъ независимость. И если связь продолжается, то она не натуральная, и самая связь поддерживается только соглашеніемъ, договоромъ, который каждымъ членомъ можетъ быть нарушенъ по соображеніямъ его индивидуальнаго интереса.

Въ своей личной жизни Руссо не разъ былъ поставленъ въ такое положеніе, гдѣ онъ къ себѣ самому могъ примѣнить свои принципы. Примѣненіе его принциповъ о семьѣ къ его собственнымъ дѣтямъ не отличается послѣдовательностію и не внушаетъ уваженія къ философу. Не дожидаясь того времени, когда дѣти

достигли бы такого возраста, въ которомъ они не нуждались бы уже въ родительскихъ попеченіяхъ, какъ бы это слѣдовало по теоріи Руссо, философъ отправлялъ ихъ въ воспитательный домъ, сберегая всѣ сокровища своей сантиментальности для цвѣтовъ и для барашковъ. Примѣненіе принциповъ Руссо о бракѣ къ его собственному браку также не отличалось послѣдовательностію, впрочемъ не столько по его винѣ, сколько по винѣ его сожительницы. Знаменитый бракъ Руссо былъ заключенъ черезъ 25 лѣтъ послѣ его фактическаго начала. Брачная церемонія, по словамъ Руссо, совершилась во всей простотѣ и во всей истинности природы. Въ одной изъ комнатъ своей квартиры, въ присутствіи двухъ свидѣтелей, держа за руку г-жу Рену, Руссо произнесъ рѣчь о той дружбѣ, которая соединяла ихъ втеченіе 25 лѣтъ, и о принятомъ ими рѣшеніи сдѣлать этотъ союзъ нерасторжимымъ. Затѣмъ онъ спросилъ свою сожительницу, раздѣляетъ ли она его чувства. Когда она отвѣчала: да, Руссо, продолжая держать ея руку въ своей рукѣ, снова произнесъ рѣчь, въ которой изобразилъ обязанности супружества, съ ссылкой на нѣкоторыя событія своей жизни. Потомъ, поднявъ глаза къ небу, Руссо, по свидѣтельству очевидца, бывшаго при этомъ событіи, началъ говорить языкомъ столь возвышеннымъ, что невозможно было и слѣдить за нимъ,—такъ эта рѣчь и осталась неизвѣстною для потомства. Успокоившись, онъ попросилъ находившихся при этомъ лицъ быть свидѣтелями тѣхъ клятвъ, которыя онъ давалъ своей женѣ. Ровно черезъ годъ, почти день въ день, послѣ этой церемоніи, мадамъ Руссо оставила своего супруга. Философъ протестовалъ: по его мнѣнію, нужно было, чтобы покрайней мѣрѣ состоялось обоюдное согласіе, на счетъ условій развода,—тогда все таки разводъ совершился бы въ силу договора, какъ въ силу договора же совершился бракъ. На протестъ Руссо остался бесплоднымъ³⁴).

Главными дѣятелями французской революціи оказались ученики Ж. Ж. Руссо. И могли ли они удовлетвориться тѣмъ

факультативнымъ гражданскимъ бракомъ, который введенъ былъ закономъ 1787 г.? Гражданскій бракъ долженъ быть достоинствомъ каждого французскаго гражданина. Государственная, а не какая либо другая, власть должна установить условія заключенія брачнаго договора, опредѣлить форму, которою бы гарантировалась законность договора, и указать условія для расторженія этого договора, ибо, какъ говорили, что создала воля, волею же можетъ быть и разрушено. Національное собраніе было уже предрасположено къ этому образу мыслей, когда священникъ церкви св. Сульпиція въ Парижѣ, въ сообразность, какъ онъ говорилъ, каноническимъ правиламъ, а на самомъ дѣлѣ, какъ о немъ говорили, съ большими придирками, отказалъ въ вѣнчаніи артисту французскаго театра, сдѣлавшемуся потомъ европейскою знаменитостію подъ именемъ трагика Тальмы ³⁵). Тальма написалъ письмо въ національное собраніе, и письмо возбудило здѣсь бурю. Національнымъ собраніемъ затѣмъ письмо это было передано въ такъ называемый „церковный комитетъ“; тогда былъ составленъ первый законопроектъ о гражданскомъ бракѣ. Этотъ законопроектъ перешелъ въ конституцію 3 сентября 1791 г., 7-й артикулъ которой гласилъ, что законъ разсматриваетъ бракъ, только какъ контрактъ гражданскій. Прежде таинство и контрактъ различали, теперь таинство просто игнорируется. Въ то же время внесенъ былъ на обсужденіе національнаго собранія и подробный законопроектъ о формѣ заключенія брака. Когда обсуждался этотъ законопроектъ, одинъ изъ депутатовъ предложилъ: соорудить отечеству каменный алтарь, начертать на немъ декларацію правъ челоуѣка и гражданина и передъ этимъ алтаремъ производить все акты, важные для гражданскаго и политическаго положенія гражданъ. Ораторъ рекомендовалъ и каждому гражданину являться передъ этимъ алтаремъ во все важныя эпохи его жизни, здѣсь пріобрѣтать себѣ имя супруга и надежду получить имя отца. По другому предложенію, временемъ для заключенія брака должны назначаться декады—эти

воскресенья гражданской религии. Брачная церемония должна быть обставлена известной помпой. Власти должны являться в официальном костюме. Место для заключения брачных союзов должно быть особое, специально къ тому предназначенное. При бракосочетании должны прочитываться официальные бюллетени съ упоминаниемъ о чертахъ храбрости и о дѣйствіяхъ, способныхъ внушить добродѣтель, а также наставленія на счетъ земледѣлія и искусствъ. Торжество должно заканчиваться играми и пѣніемъ.

Въ 1792 г., черезъ пять лѣтъ послѣ закона Людовика XVI о факультативномъ гражданскомъ бракѣ, былъ изданъ революціонный законъ объ обязательномъ гражданскомъ бракѣ. Бракъ каждымъ французскимъ гражданиномъ обязательно долженъ быть заключенъ передъ чиновникомъ гражданского состоянія. Подобно всякимъ другимъ контрактамъ, брачный договоръ *) можетъ быть не только заключаемъ, но и прекращаемъ. Заявленіе о расторженіи брака точно также дѣлается передъ чиновникомъ граж-

*) Въ законодательствѣ конца XVIII в. стали уже различаться брачный актъ (*acte de mariage*) и брачный контрактъ (*contrat de mariage*). Брачный актъ есть актъ гражданского состоянія и имѣетъ публичное значеніе, какъ и другіе акты гражданского состоянія. Брачный контрактъ есть актъ, совершаемый у нотариуса *передъ бракомъ*, и имѣетъ въ виду установить опредѣленный порядокъ имущественныхъ отношеній будущихъ супруговъ; но до 1830 г. въ брачный контрактъ вставлялись и другія условія, напр. обѣщаніе будущихъ супруговъ совершить бракосочетаніе по обрядамъ св. католической церкви. Въ 75 art. *Cod. civ.*, въ которомъ опредѣляется форма заключенія брака, упоминается и о брачномъ контрактѣ. Чиновникъ гражданского состоянія, прочитывающій разные документы, относящіеся къ личности нуптуриентовъ, а также статьи закона, относящіеся къ супружескому союзу, спрашиваетъ между прочимъ: *«s'il a été fait un contrat de mariage, et, dans le cas de l'affirmative, la date de ce contrat, ainsi que les noms et lieu de résidence du notaire qui l'aura reçu»*.

данскаго состоянія. — Въ одной гравюрѣ того времени были изображены два божества: гименей, держащій въ рукахъ по вѣнцу, — передъ нимъ совершается гражданскій бракъ, — и какое-то освободительное божество, въ ногахъ котораго совершается разводъ. А вотъ какого рода рѣчи держали, въ назиданіе новобрачнымъ парамъ, муниципальные чиновники:

„Граждане и гражданки! Вы намъ доказываете сегодня, что свобода будетъ у насъ покоиться на вѣчныхъ базисахъ: свобода развода замѣнила теперь тѣ непріятности и скуку, которыя связаны съ союзами нерасторжимыми. Легкость развода ободряетъ робкія души, тогда какъ въ бракахъ нерасторжимыхъ самое удовольствіе дѣлается игомъ, когда оно становится долгомъ. Разводъ есть источникъ взаимнаго уваженія, услужливости, заботы; разводъ — это попечительное божество брака. Итакъ пользуйтесь миромъ ненарушимымъ и счастьемъ безоблачнымъ. Молодые супруги! бракъ для васъ не тягость, не цѣпь; онъ есть только то, чѣмъ долженъ быть, — исполненіе великихъ намѣреній природы, уплата долга гражданскому отечеству. Союзъ, основанный на взаимной нѣжности, не болѣе ли святъ, не болѣе ли чистъ, чѣмъ союзъ, основанный на предразсудкахъ? Но онъ долженъ быть даже и болѣе проченъ. Ибо въ домахъ свободныхъ супруговъ, обязанныхъ своимъ союзомъ лишь взаимному уваженію и честной страсти, если и появляются иногда размолвки, неизбежны даже въ самыхъ любящихъ людяхъ, то опасеніе развода всегда помѣшаетъ разростись этимъ размолвкамъ“ ³⁷).

Черезъ десять лѣтъ послѣ изданія революціоннаго закона 1792 г. объ обязательномъ гражданскомъ бракѣ, законъ этотъ былъ цѣликомъ принятъ во вновь составленное наполеоновское гражданское уложеніе, съ одною, впрочемъ, немаловажною разницею. Революціонный законъ не упоминалъ о церковномъ вѣнчаніи, совершенно игнорируя его, такъ что люди, не порвавшіе съ религіей и считавшіе долгомъ совѣсти освятить свой бракъ церковнымъ священнодѣйствіемъ, имѣли возможность обвѣнчаться до

или послѣ заключенія гражданскаго брака, смотря потому какъ находили для себя удобнѣе. Въ наполеоновскомъ же уложеніи предписано, чтобы тотъ, кто желаетъ церковнаго вѣнчанія, приступалъ къ нему непременно *послѣ* заключенія гражданскаго брака у мэра, причѣмъ законъ грозитъ наказаніемъ священнику, который совершилъ бы вѣнчаніе, не убѣдившись предварительно въ томъ, что гражданскій актъ совершенъ. Отъ одного этого гражданскаго акта и зависитъ законность брака; церковное вѣнчаніе, если оно и совершается, какъ дѣло доброй воли, не имѣетъ никакого значенія въ глазахъ закона. Руководящіе люди, которымъ принадлежало составленіе наполеоновскаго гражданскаго уложенія, твердо помнили, что бракъ есть гражданскій контрактъ. Напр. Порталисъ не безъ краснорѣчія развивалъ ту мысль, что, съ провозглашеніемъ свободы вѣроисповѣданій, оказалось возможнымъ секуляризовать законодательство, т. е. отрѣшиться его отъ всякихъ церковныхъ понятій и придать ему совершенно свѣтскій характеръ: вмѣстѣ съ тѣмъ, говорилъ Порталисъ, образовалась великая идея, что нужно терпѣть все то, что терпится Провидѣніемъ, и что законъ, который не можетъ насиловать религіозныхъ мнѣній гражданъ, долженъ имѣть въ виду только французовъ, какъ природа видитъ только людей³⁸). Совершенно послѣдовательно съ точки зрѣнія договорной теоріи, внесено было въ наполеоновскій кодексъ и начало свободнаго развода браковъ; но этому началу, къ чести человечества, не удалось удержаться во французскомъ кодексѣ. Въ 1816 году послѣдовала законодательная отмѣна революціоннаго развода, хотя и въ позднѣйшее время всякій разъ, какъ революція свертала которую либо изъ царствующихъ династій, вскорѣ вслѣдъ за сверженіемъ, вносились въ законодательное собраніе предложенія о возстановленіи развода, — такъ это было въ 1830 и въ 1848 г., но каждый разъ предложенія отклонялись. Во времена нынѣшней французской республики предложеніе о возстановленіи развода увѣнчалось большимъ успѣхомъ. Въ силу закона 27 іюля

1884 г. разводъ вновь допущенъ во Франціи, но не въ смыслѣ развода по договору³⁹). Форма же заключенія гражданского брака, цѣликомъ принятая въ наполеоновское уложеніе изъ революціоннаго закона 1792 г., осталась и до настоящаго времени: она намъ уже извѣстна изъ вышеприведеннаго описанія процедуры заключенія браковъ въ парижскихъ мѣряхъ.

Французское революціонное законодательство о бракѣ дало суровый урокъ человѣчеству. Нетерпимость религіозная нигдѣ, кажется, не получала такой неприглядной формы, какъ во Франціи. Исторія религіозныхъ преслѣдованій, конечно, представляетъ кровавые типы фанатиковъ въ другихъ странахъ, напр. Филиппа II испанскаго и разныхъ жрецовъ священной инквизиціи. Но Филиппъ и ему подобные были по крайней мѣрѣ людьми искренно убѣжденными въ томъ, что они дѣлаютъ Божье дѣло, служатъ Богу своими преслѣдованіями. Нетерпимость французская имѣла своимъ источникомъ лицемеріе. Правительство Людовиковъ XIV и XV, блиставшее своею порочностію и утратившее всякую вѣру, преслѣдовало за вѣру тѣхъ, которые дѣйствительно имѣли горячую вѣру въ ученія, исповѣдуемыя ими. Упорно оставаясь на средневѣковой точкѣ зрѣнія, оно не дѣлало никакой уступки самымъ законнымъ требованіямъ человѣческой природы, хотя люди уже слишкомъ развились, чтобы понимать всю нелѣпность, всю неестественность тѣхъ притѣсненій, которымъ они подвергались. Такой образъ дѣйствій со стороны власти могъ привести только къ насильственному взрыву. А какъ скоро взрывъ удался, тѣмъ сильнѣе разгулялись страсти, тѣмъ необузданнѣе хлынулъ революціонный потокъ, тѣмъ болѣе дикой энергіи проявило революціонное законодательство, даже тѣмъ нетерпимѣе и фанатичнѣе сдѣлалось само это законодательство, чѣмъ грознѣе, упорнѣе и энергичнѣе была сила сломленнаго врага. „Долгъ платежомъ красенъ“, — это одно изъ тѣхъ положеній, которыя всемірная исторія иллюстрировала съ замѣчательною отчетливостію.

Но одна любопытная черта въ умонастроеніи революціонной

эпохи и въ революціонномъ законодательствѣ бросается въ глаза. При всемъ разгулѣ страстей и при всей необузданности революціоннаго фанатизма, захватившаго власть, французскій гражданскій бракъ временъ революціи былъ болѣе идейнымъ заблужденіемъ, чѣмъ нравственнымъ дефектомъ. Онъ былъ своеобразнымъ выраженіемъ государственнаго культа, „поклоненія отечеству“, какъ разсуждалъ тотъ депутатъ, который предложилъ сооружеііе отечеству каменнаго алтаря. Даже разводъ былъ поставленъ подъ покровительство какого-то божества. Въ законодательство революціонное не воплиѣ проникла эта идеально-поэтическая сторона государственнаго культа. Но и въ законодательствѣ заключеніе и разорваніе супружескаго союза все таки обставлены извѣстными формальностями оффиціального характера: представитель государства непременно долженъ участвовать и въ заключеніи, и въ расторженіи брачнаго договора, — такъ предписывалось даже въ самый разгаръ революціи. Потомъ, когда начало свободнаго развода было отмѣнено, французскій гражданскій бракъ совсѣмъ отрѣшился отъ того легкомысленнаго характера, который усвоенъ былъ имъ въ эпоху революціи. Это — союзъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже болѣе стѣснительный, чѣмъ церковный бракъ, напр. въ отношеніи къ требованію согласія родителей на браки дѣтей.

Тѣмъ болѣе удивительнымъ и страннымъ представляется распространенный въ русскомъ обществѣ взглядъ на гражданскій бракъ, какъ на нѣчто такое, о чемъ нельзя говорить, не оговариваясь каждый разъ: „съ позволенія сказать“. Въ самомъ дѣлѣ слова: „гражданскій бракъ“ непростительнымъ образомъ злоупотребляются у насъ, и въ этомъ злоупотребленіи виноваты тѣ, которые въ 60-хъ годахъ подняли въ русской литературѣ вопросъ о гражданскомъ бракѣ и, по пословицѣ, „слыша звонъ, но не зная, гдѣ онъ“, стали мечтать о такихъ пріятныхъ, гражданскихъ якобы бракахъ, которые не освящались бы никакимъ закономъ, ни церковнымъ, ни гражданскимъ, и которые бы давали неогра-

ниченную свободу жить вмѣстѣ, пока живется, а какъ перестанетъ это нравиться, искать новаго союза. Нельзя—де связывать мою и чужую свободу безповоротнымъ обѣтомъ нерасторжимаго союза. На самомъ дѣлѣ, въ этихъ случаяхъ, на той или на другой сторонѣ, или на обѣихъ вмѣстѣ, всегда можно подозрѣвать неблагородное желаніе бросить сожителя или сожительницу, какъ скоро они утратятъ молодость, силу, красоту, или просто наскучатъ. Если бы гражданскій бракъ, въ такомъ безпримѣрномъ смыслѣ, былъ достоинствомъ и характеристическимъ признакомъ русскаго міровоззрѣнія: то пришлось бы пожалуй ужаснуться за будущее Россіи. Общество, въ которомъ бы раздавались голоса о введеніи гражданского брака, и въ тоже время подъ гражданскимъ бракомъ понималось бы нѣчто не имѣющее себѣ приличнаго названія, нужно бы было считать обреченнымъ на гибель. Къ счастью такой, якобы въ „русскомъ смыслѣ“, гражданскій бракъ не имѣетъ въ своей основѣ ровно никакой идеи и представляетъ собою не что иное, какъ нравственный дефектъ, указываетъ на нравственную распущенность, на нравственную болѣзнь, на нравственный недостатокъ нѣсколькихъ единицъ, представляющихъ собою лишь каплю въ морѣ русской жизни.

V.

Первый общій законъ, изданный въ западной Европѣ, касательно опредѣленной формы вступленія въ бракъ, принадлежалъ тридентскому собору. Но въ тѣхъ странахъ, которыя приняли реформацію, постановленіе католическаго церковнаго собора не могло быть принято, какъ законъ. Въ это время народный инстинктъ и народная потребность высказались очень ясно въ пользу церковнаго вѣнчанія, какъ наилучшей формы вступленія въ законный бракъ, хотя взглядъ германскаго реформатора Мартина Лютера совсѣмъ не располагалъ къ этому. Бракъ, рассуждалъ Лютеръ, есть дѣло почтенное, дѣло святое, имѣющее

чрезвычайную важность въ человѣческой жизни; но бракъ не есть особое церковное таинство, это — такое же мірское, свѣтское дѣло, такой же предметъ попеченій государственной власти, какъ пища, питье, жилище, одежда^{4°}). И не смотря, однако, на этотъ руководящій реформаторскій взглядъ, въ жизни народныхъ массъ церковное вѣнчаніе считалось наилучшимъ способомъ вступленія въ бракъ. Выходило довольно неожиданное сопоставленіе. Католическая церковь, вѣрующая, что бракъ есть таинство, воплѣ овладѣвшая брачнымъ правомъ, не признающая за государствомъ власти издавать законы и судить по брачнымъ дѣламъ, не выработала чисто религіозной формы для брака, потому что заявленіемъ согласія передъ приходскимъ священникомъ и свидѣтелями не религіозное чувство выражается, а достигается цѣль юридическая и соціальная — гарантировать публичность брака. Напротивъ, у протестантовъ, не признающихъ бракъ за таинство, подчинившихъ брачное право государственному законодательству, форма заключенія брака выработалась чисто церковная, такъ что и государственный законъ долженъ былъ въ концѣ концовъ придать церковному вѣнчанію значеніе единственнаго легальнаго способа заключенія брачнаго союза. Такъ было въ Англіи, Германіи и въ другихъ странахъ.

Въ Англіи, въ теченіе 100 лѣтъ, отъ 1653 г., когда изданъ былъ законъ Кромвеля объ обязательномъ гражданскомъ бракѣ, и до 1753 г., когда изданъ былъ актъ лорда Гардвика, англійское законодательство только мимоходомъ касалось заключенія браковъ. Мало было отмѣнить кромвелевскій гражданскій бракъ; нужно было установить какой либо законный способъ заключенія брака. При отсутствіи такой, закономъ опредѣленной формы, яснѣе чѣмъ что либо другое сознавалась лишь необходимость церковнаго вѣнчанія; но гдѣ, у кого, при какой обстановкѣ, — все это оставалось совершенно неяснымъ. Благодаря этой неясности, въ Лондонѣ, въ такъ называемомъ долговомъ кварталѣ Лондона, т. е. въ той его части, гдѣ находилась об-

ширная тюрьма для заключенія несостоятельныхъ должниковъ изъ цѣлаго королевства, въ XVII столѣтіи происходили очень странныя вещи. Въ эту долговую тюрьму была заключена, между прочимъ одна высокопоставленная духовная особа. По англійскимъ законамъ, кредиторы не обязывались доставлять содержаніе своимъ должникамъ, засаженымъ въ это учрежденіе. Стало быть, нечего было и рассчитывать на то, что кредиторъ, наскучивъ содержаніемъ должника, скоро ли—долго ли, выпуститъ его изъ тюрьмы. Рассчитывать на полученіе свободы можно было, очевидно, только уплативъ долгъ. А между тѣмъ, заключенные располагали возможностью выходить изъ тюремнаго зданія и даже заводить домашнюю обстановку, неподалеку отъ мѣста заключенія, обезпечивъ лишь явку къ тюремному начальству по первому его вызову. При такихъ обстоятельствахъ, попавшая за долги въ тюрьму духовная особа, дабы ввести разнообразіе въ свою однообразную жизнь и въ тоже время создать для себя источникъ денежныхъ доходовъ, придумала заняться вѣнчальной практикой. Законъ помѣшать не могъ этому духовному лицу въ его полезномъ и пріятномъ занятіи. Лишить его должности было нельзя, потому что должность уже раньше была потеряна, вмѣстѣ и съ свободой, при заключеніи въ долговую тюрьму. Лишать свободы человѣка, уже лишеннаго ея, тоже невозможно. Денежный штрафъ равнымъ образомъ представлялъ серьезныя неудобства по отношенію къ лицу, содержащемуся въ долговой тюрьмѣ. Примѣръ перваго изобрѣтателя подѣйствовалъ и на другихъ товарищей по профессіи, попавшихъ въ долговую тюрьму, и насколько обширна была ихъ вѣнчальная практика, можно судить по слѣдующему примѣру: одинъ священникъ, находившійся въ тюрьмѣ 31 годъ (съ 1709 до 1740 г.) обвѣнчалъ 36,000 браковъ, и при томъ еще долженъ былъ бороться съ конкуренціей безчисленнаго множества другихъ, дѣйствительныхъ или мнимыхъ, товарищей по должности.

Браки заключаемы были не въ церкви только, а и въ частныхъ

домахъ, въ которыхъ устраивалось для этого особое помѣщеніе. Громадная вывѣска давала знать прохожимъ о проживаніи въ этомъ домѣ духовнаго лица, съ рекламой приэтомъ о его справедливости и честности. Агенты его сновали по всѣмъ улицамъ города и обязательно доводили до свѣдѣнія гуляющихъ адресъ своего принципала—бракосовершителя,—и все для того, чтобы одолѣть конкуренцію, строившуюся на взиманіи болѣе низкой вѣнчальной платы. Точно также содержатели гостинницъ, извлекавшіе барышъ изъ тѣхъ пированій, которыми сопровождалось вѣнчанія, давали бесплатное помѣщеніе и содержаніе безмѣстнымъ духовнымъ лицамъ, съ тѣмъ чтобы они занимались въ гостинницахъ вѣнчаніемъ, о чемъ также публика оповѣщалась громадной вывѣской, на которой самымъ первобытнымъ способомъ изображались мужчина и женщина съ соединенными правыми руками и съ лаконической къ этому изображенію припиской: „здесь можно жениться“.

Разумѣется, для вступленія въ столь эксцентричестіе браки должны были существовать извѣстныя побужденія. Ихъ было довольно. Въ долговомъ кварталѣ не спрашивали о согласіи родителей, не требовали законнаго возраста, не стѣсняли тѣмъ, чтобы въ три воскресные дня передъ бракомъ въ церкви публично производилось оглашеніе объ имѣющемъ быть бракѣ. У нѣкоторыхъ даже существовало отвращеніе къ публичному заключенію брака, вслѣдствіе чего долговой кварталъ казался самымъ уютнымъ и удобнымъ мѣстомъ для вступленія въ браки, не смотря на то, что церковнымъ книгамъ, которыя здѣсь велись, судъ не придавалъ никакого значенія, и свидѣтелей, бывшихъ при такомъ тайномъ бракосочетаніи, не допускалъ къ судебному показанію.

И не раньше, какъ въ 1753 г., такъ называемымъ актомъ лорда Гардвика былъ положенъ конецъ браковѣнчаніямъ долговаго квартала. Предписана опредѣленная форма заключенія брака, именно по обряду англиканской или высокой церкви, англикан-

скимъ духовнымъ лицомъ, въ присутствіи двухъ свидѣтелей, послѣ предварительнаго троекратнаго оглашенія, въ церковномъ зданіи, имѣющемъ спеціальную привилегію на вѣнчаніе браковъ. Отъ закона, явившагося въ половинѣ XVIII в., современники, конечно, въ правѣ были требовать большаго, чѣмъ онъ далъ имъ. Актъ Гардвика обязалъ и всѣхъ диссидентовъ—за исключеніемъ евреевъ и квакеровъ—вѣнчаться у англиканскихъ духовныхъ лицъ, по англиканскому церковному обряду. Уже въ нынѣшнемъ столѣтіи, почти въ половинѣ столѣтія (въ 1836 г.) при обсужденіи внесеннаго лордомъ Джономъ Росселемъ билля о формѣ заключенія брака, въ англійскомъ парламентѣ было сдѣлано довольно запоздалое, однако, сравнительно съ нѣкоторыми государствами, болѣе раннее все таки открытіе, что „всѣ люди имѣютъ равныя права на бракъ, и всѣ имѣютъ равное право требовать дозволенія заключать браки въ желательной для нихъ формѣ, государство же должно приэтомъ дѣйствовать лишь въ такой мѣрѣ, насколько это необходимо для предупрежденія тайныхъ браковъ“. Билль лорда Джона Росселя 1836 г., прошедшій черезъ парламентъ и получившій королевское утвержденіе, составляетъ дѣйствующій англійскій законъ. Этимъ закономъ введенъ въ Англійю факультативный гражданскій бракъ, т. е. англійскимъ диссидентамъ предоставлено, по ихъ желанію и выбору, заключать браки или церковнымъ, или гражданскимъ порядкомъ, желающимъ же церковнаго заключенія брака опять предоставлено на выборъ или обратиться къ духовному лицу государственной церкви и обвѣнчаться по англиканскому церковному обряду, или принять благословеніе на бракъ отъ духовнаго лица своего вѣроисповѣданія или секты. Въ этомъ отношеніи англійскій законъ сдѣлалъ шагъ впередъ сравнительно съ французскимъ закономъ Людовика XVI о факультативномъ гражданскомъ бракѣ; но и англійскій законъ не придалъ факультативному браку тѣхъ размѣровъ, которые приданы ему въ сѣвероамериканскомъ законодательствѣ, которое не для диссиден-

товъ только—ихъ нѣтъ въ сѣверной Америкѣ, потому что здѣсь нѣтъ государственной церкви,—а для всѣхъ вообще гражданъ дѣлается возможнымъ гражданское заключеніе брака, или, по ихъ желанію, церковное, съ участіемъ духовнаго лица любого вѣроисповѣданія и любой секты ⁴¹).

Впрочемъ, слѣдуетъ сказать, что въ Англіи, какъ и въ сѣверной Америкѣ, во всѣхъ различныхъ способахъ заключенія брака придана очень видная роль гражданскому элементу. Во-первыхъ, браки могутъ быть заключаемы по англиканскому церковному обряду, при содѣйствіи англиканскихъ духовныхъ лицъ. Но англиканскій священникъ можетъ совершить вѣнчаніе только по полученіи свидѣтельства отъ регистрара, т. е. отъ государственнаго чиновника, ведущаго метрическія книги, о томъ, что въ регистратуру было сдѣлано своевременно сообщеніе о предложенномъ бракѣ, и что, по поводу этого сообщенія своевременно же сдѣланы требуемыя закономъ оглашенія, такъ что, слѣдовательно, предбрачныя оглашенія дѣлаются государственнымъ чиновникомъ, который прописываетъ въ свидѣтельствѣ своемъ и то, что никакихъ препятствій къ вѣнчанію ниоткуда не предъявлено. Во-вторыхъ, бракъ можетъ быть заключаемъ по религиозному обряду того вѣроисповѣданія или той секты, къ которымъ принадлежатъ женихъ и невѣста. Въ этомъ случаѣ регистраръ долженъ находиться даже и при самой церемоніи браковѣнчанія, вмѣстѣ съ двумя свидѣтелями. В-третьихъ, если женихъ и невѣста не желаютъ церковнаго вѣнчанія, то они могутъ заключить бракъ въ офиціальномъ помѣщеніи регистратуры, передъ регистраромъ, въ присутствіи двухъ свидѣтелей, при открытыхъ дверяхъ. Подобнымъ же образомъ, гражданскій элементъ играетъ важную роль при заключеніи браковъ въ сѣверной Америкѣ. Здѣсь, во-первыхъ, имѣютъ право благословлять браки всѣ духовныя лица всѣхъ вѣроисповѣданій, сектъ и партій, но нерѣдко для этого требуется особое уполномоченіе со стороны государства,—во-вторыхъ, мирные судьи и члены выс-

шаго суда, а также городскіе магистраты могут легализировать бракъ. Но, такъ же какъ и въ Англии, передъ вѣнчаніемъ брачующіеся должны заблаговременно сообщить государственному должностному лицу все требуемыя свѣдѣнія о себѣ, и только когда духовное лицо получитъ письменное удостовѣреніе отъ этого должностнаго лица относительно того, что о бракѣ ему сообщалось и препятствій никакихъ не оказалось, можетъ быть приступлено къ вѣнчанію. Тотчасъ послѣ вѣнчанія должна быть произведена регистрація: веденіе актовъ состоянія поручается особому чиновнику. Въ виду безконечнаго разнообразія религіозныхъ сеетъ въ сѣверной Америкѣ и въ виду возможности повѣнчанія такимъ лицомъ, которое права на это не имѣетъ, дѣйствуетъ такое правило, что если супруги или одинъ даже изъ нихъ къ вѣнчанію относились серьезно и добросовѣстно, считая его (*bona fide*) дѣйствительнымъ вѣнчаніемъ, и потому вели супружескую жизнь въ томъ же убѣжденіи, въ такихъ случаяхъ бракъ признается законнымъ, хотя бы вѣнчаніе было совершено не имѣющимъ на это права лицомъ ⁴²).

Но совершенно оригинальными, въ отличіе отъ англійскихъ браковъ, были и остались шотландскіе браки. Естественныя испытателямъ, изслѣдующимъ міръ растительный, животный и ископаемый, иногда приходится сталкиваться съ какимъ нибудь случайно уцѣлѣвшимъ остаткомъ отъ давнопрошедшаго міра. Такіе же остатки приходится иногда наблюдать юристамъ въ области соціально-юридическихъ явленій. Шотландское бракозаключительное право до новѣйшихъ временъ осталось вѣрнымъ отраженіемъ среднихъ вѣковъ. Шотландія приняла реформацію, слѣдовательно не могла считать для себя обязательною тридентскую форму заключенія брака; но и реформацію она приняла не англиканскую, а пресвитеріанскую, поэтому не считала для себя обязательнымъ и того, что устанавливалось для англиканской церкви. Безформенное соглашеніе, выраженное словомъ или на письмѣ, или даже жестами, напр. наклоненіемъ головы, а также фактиче-

ское супружеское сожитіе послѣ совершеннаго за нѣсколько времени ранѣе обрученія, вполне достаточны для основанія законнаго брака. Свидѣтелемъ можно удовольствоваться только однимъ. Явилось у шотланцевъ и нѣчто въ родѣ гражданскаго брака, хотя никакой законъ не вводилъ его въ Шотландію. А именно женихъ и невѣста отправляются къ мирному судѣ и заявляютъ ему, что они безъ предварительныхъ оглашеній повѣнчаны священникомъ, причемъ даже имя этого священника не называется. Или же тутъ только они и заявляютъ мирному судѣ свое взаимное согласіе на бракъ, уплачиваютъ небольшой денежный штрафъ и выправляютъ у мирнаго судьи удостовѣреніе въ томъ, что они состоятъ въ законномъ бракѣ. Немудрено, что когда въ Англіи стали приниматься энергическія мѣры противъ тайныхъ браковъ, люди, нуждавшіеся въ нихъ, стали уѣзжать въ Шотландію. Стоило только добраться до первой шотландской деревни за англійской границею, гдѣ съ краю, первымъ отъ границы, стоялъ домъ кузнеца. Этотъ кузнецъ обыкновенно и фигурировалъ въ качествѣ свидѣтеля. За первымъ кузнецомъ, который занимался бракозаклучительными дѣлами просто потому, что домъ его былъ съ краю, а не потому, чтобы онъ получилъ на это какую либо привилегію или пользовался какимъ либо особымъ уваженіемъ, профессію эту принялъ его наслѣдникъ и преемникъ, а за этимъ слѣдующій и т. д. хотя домъ уже оказался и не съ краю, не на концѣ деревни. Кузнецы стали вести даже нѣчто въ родѣ метрическихъ книгъ, и у многихъ составилось убѣжденіе, что кузнецъ въ селеніи Gretna—Green получилъ неоспоримыя бракозаклучительныя права если не въ силу закона, такъ въ силу обычая.

Для мѣстныхъ жителей Шотландіи, шотландскій безпорядочный порядокъ заключенія браковъ сохраняется и донынѣ. Но въ 1857 г. англійскимъ закономъ было покрайней мѣрѣ постановлено, что шотландскій бракъ получаетъ законную силу въ такомъ только случаѣ, когда женихъ и невѣста проживали

въ Шотландіи не менѣе 21 дня до заключенія брака, вслѣдствіе чего для англичанъ сдѣлалось невозможнымъ заключать шотландскіе браки тотчасъ по переѣздѣ за английскую границу⁴³⁾.

Въ Германіи еще позднѣе, чѣмъ въ Англіи, приступлено было къ введенію гражданскаго брака. Прусскій ландрехтъ 1794 г. составившійся подъ вліяніемъ идей естественнаго права, задавался, собственно говоря, цѣлью создать общее для всѣхъ вѣроисповѣданій, государственное брачное право; но онъ пошелъ другой дорогой, не той, по которой пошло почти около одного времени состоявшееся французское законодательство, т. е. не обязательный гражданскій бракъ ввела Пруссія, а обязала всѣхъ къ церковному вѣнчанію, которое до XVIII столѣтія въ протестантской Германіи держалось на народной потребности и на народномъ обычаѣ, а не на законѣ. Прусское законодательство взглянуло на вѣнчаніе не съ церковной его стороны, а съ государственно—гражданской, какъ на публичный актъ легализировація брачнаго договора. „Вѣрите чему хотите, обращалось государство къ сектамъ, почитайте Бога такъ, какъ это дозволяютъ вамъ ваши принципы, спасайтесь каждый по собственному фасону, какъ выражался король Фидрихъ Великій, но ваши браки заключайте предъ духовнымъ лицомъ, которое государство поддерживаетъ своимъ довѣріемъ, которое своими, признанными начальствомъ, религіозными принципами представляетъ надежное ручательство того, что оно не сдѣлаетъ и не дозволитъ ничего такого, что не могло бы быть одобрено государствомъ и церковью. Результатъ получился неожиданный. Дѣло въ томъ, что государственный законъ во многихъ отношеніяхъ ослабилъ церковныя требованія, наприм. далъ довольно широкую возможность развода по причинѣ несходства характеровъ и т. п. Разошедшіеся супруги считали себя, конечно, въ правѣ вступать въ новые браки, какъ и законъ признавалъ за ними это право, но столкнулись съ неожиданнымъ препятствіемъ. Протестантское духовенство отказывалось вѣнчать ихъ, находя эти браки противными Евангелію. Другими

словами, церковь не позволяла воспользоваться такимъ правомъ, которое предоставлено было государствомъ, а такъ какъ другихъ путей, кромѣ церковнаго, къ тому, чтобы воспользоваться дозволеніемъ государства, не оказывалось, то и самое дозволеніе должно бы было превращаться въ пустой звукъ. Въ пустой звукъ оно, однако, не превратилось, а напротивъ повело лишь къ тому, что или правительство силой принуждало пасторовъ къ вѣнчанію тамъ, гдѣ они считали это противнымъ совѣсти, или же сами женихъ и невѣста старались разыскать духовное лицо съ болѣе широкою совѣстію, что, разумѣется, обыкновенно, къ немалому соблазну и удавалось. Диссидентовъ какъ сказано, законъ совершенно игнорировалъ: кромѣ церковнаго вѣнчанія, онъ не открывалъ никому никакого пути или способа къ вступленію въ законный бракъ ⁴⁴).

Въ 1848 г. волненія, происходившія во Франціи, отразились и на Германіи. Провозглашено было начало отдѣленія церкви отъ государства, и въ принципѣ признанъ былъ необходимымъ гражданскій бракъ съ записью въ метрическихъ книгахъ, ведущихся государственнымъ чиновникомъ. Поэтому, въ ряду §§-овъ такъ называемыхъ „основныхъ правъ“, выработанныхъ франкфуртскимъ собраніемъ, читаются слѣдующіе (§§ 20—21): „гражданская дѣйствительность брака зависитъ только отъ совершенія гражданского акта; церковное вѣнчаніе можетъ имѣть мѣсто только послѣ совершенія этого гражданского акта; различіе въ религіи не служитъ препятствіемъ къ вступленію въ бракъ (т. е. напр. евреевъ съ христіанами); книги метрическія ведутся гражданскими чиновниками“. Однако, кромѣ нѣкоторыхъ мелкихъ германскихъ государствъ, гражданскій бракъ нигдѣ не былъ введенъ: ни въ Пруссіи, ни въ другихъ значительнѣйшихъ государствахъ Германіи не явилось этого учрежденія ⁴⁵).

Въ прусскомъ парламентѣ 1849 г. наиболѣе ожесточеннымъ и краснорѣчивымъ противникомъ гражданского брака выступилъ одинъ депутатъ, по имени Отто фонъ-Бисмаркъ Шенгаузенъ. По по-

воду внесеннаго въ парламентъ законопроекта объ обязательномъ гражданскомъ бракѣ по французскому образцу, ораторъ говорилъ слѣдующее:

„Въ законопроектѣ я не вижу ничего другаго, кромѣ намѣренія заставить насъ глотать, кусокъ за кускомъ, подозрительное блюдо, въ которомъ все французское, начиная съ содержанія и оканчивая формой... Въ нашихъ глазахъ одно лишь благословеніе церковное придаетъ браку дѣйствительную силу. Вы же торжественный актъ церковнаго вѣнчанія ставите въ зависимость отъ гражданского акта и законность брака обусловливаете юридическимъ дѣйствіемъ государственнаго чиновника, передъ которымъ невѣста должна произнести свою клятву вѣрности. Конечно, вы позволяете всѣмъ и каждому, кто считаетъ это необходимымъ для себя, отправиться въ церковь вслѣдъ за совершеніемъ гражданского брака. Другими словами, вы удостоиваете церковь почетной роли быть хвостомъ бюрократіи, да и то еще не крупной, а мелкотравчатой, позволяя новообручаннымъ явиться къ алтарю и къ священнику. Священнику, конечно, не воспрещается спросить гражданина, желаетъ ли онъ имѣть женою это самое лицо, которое уже, въ силу закона, объявлено его женою. Но къ чему же этотъ вопросъ, на который и отвѣта никакого не можетъ быть, кромѣ утвердительнаго? Уже въ такомъ случаѣ распорядитесь измѣнить и самую форму церковнаго браковѣнчанія“...

“Я не думаю, чтобы роль законодателя могла состоять въ томъ, чтобы игнорировать то, что народъ почитаетъ за священное. Я полагаю напротивъ, что когда законодатель желаетъ дѣйствительно просвѣщать народъ и руководить имъ, то онъ долженъ стремиться къ тому, чтобы жизнь народа опиралась во всѣхъ ея отношеніяхъ на базисъ вѣры и на благодатные дары религіи. А правительство отстраняетъ этотъ базисъ, какъ нѣчто добавочное и несущественное, даже и тамъ, гдѣ онъ уже существуетъ, и такимъ образомъ разрушаетъ всякое уваженіе къ цер-

кви и къ религиознымъ учрежденіямъ... Желаютъ сдѣлать возможными браки христіанъ съ евреями, запрещаемые церковью. Для убѣжденнаго іудея, однако, бракъ съ христіанскою всегда останется моральною невозможностію. А если евреи только по имени желаютъ соединиться брачными узами съ христіанами, или, вѣрнѣе, съ людьми, присвоющими себѣ имя христіанъ, такъ на здоровье,— пусть и сдѣлано будетъ для нихъ исключеніе, которое дастъ имъ возможность вступить въ законный бракъ передъ государственнымъ чиновникомъ. Но чтобы, въ пользу нѣсколькихъ ренегатовъ, налагать неслыханное насиліе на цѣлое населеніе страны, считающее себя милліонами и остающееся вѣрнымъ вѣрѣ отцовъ своихъ,— это не то что удивительно, а поразительно. Я ума не приложу понять, отчего въ пользу такого рабства говорятъ отъ имени свободы. Причина можетъ заключаться лишь развѣ въ той страсти обезьянничать, въ той маніи перенимать иностранщину, за которыя мы такъ часто упрекаемъ себя. Во всемъ этомъ можно бы было найдти не мало пищи для смѣха, если бы не наше отечество подвергалось этимъ экспериментамъ французскаго шарлатанства⁴⁶⁾.

Такъ разсуждалъ въ 1849 г. депутатъ прусскаго парламента Отто фонъ-Бисмаркъ Шенгаузенъ. Напротивъ, когда въ 60-хъ годахъ снова зашла рѣчь въ прусскомъ парламентѣ о введеніи гражданскаго брака, то человекъ, котораго никто никогда не обвинялъ въ излишнемъ либерализмѣ, Фридрихъ Юлій Шталь, въ засѣданіи прусской палаты господъ 11 марта 1861 г. заявилъ, что самые вѣрующіе и самые лояльные люди могутъ быть искренними, убѣжденными и горячими приверженцами обязательнаго гражданскаго брака⁴⁷⁾. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы въ подтвержденіе словъ Шталя, съ 60-хъ годовъ, гражданскій бракъ начали вводить у себя такія государства, которыя не имѣли о немъ доселѣ никакого понятія. Въ 1865 г. гражданскій бракъ введенъ былъ въ Румыніи, въ 1866 г. въ Италіи, въ 1868 г. въ Австріи, въ 1870 г. въ Испаніи, впрочемъ вездѣ

съ большими или меньшими отступленіями отъ французскаго образца. Въ Румыніи требуется обязательное совершеніе гражданскаго акта, но столь же обязательно требуется затѣмъ и церковное вѣнчаніе. Въ Италіи точно также требуется обязательно и то и другое, и притомъ вступающимъ въ бракъ лицамъ предоставляется начать съ той или другой церемоніи, тогда какъ по французскому уложенію священникъ подвергается даже наказанію, если онъ совершитъ вѣнчаніе раньше совершенія гражданскаго акта. Испанія послѣдовала примѣру Италіи. Но въ Австріи, не смотря на то, что сильная партія въ парламентѣ составила въ пользу обязательнаго гражданскаго брака, большинство высказалось противъ него, и гражданскій бракъ введенъ былъ здѣсь только какъ выходъ изъ крайней необходимости, для тѣхъ лицъ, которымъ иначе не было бы возможности вступить въ бракъ законный, состоящій подъ защитой государства. Именно въ законѣ 25 мая 1868 г. опредѣлено: если священникъ, обязанный произвести оглашеніе объ имѣющемъ быть бракѣ, отказывается отъ этого, или отказывается принять отъ жениха и невесты торжественное заявленіе ихъ взаимнаго согласія на бракъ, по причинѣ какого либо препятствія, которое государственнымъ закономъ не признается; то женихъ и невеста обращаются къ свѣтскому начальству, которое обязывается и произвести оглашеніе, и выслушать заявленіе о согласіи на бракъ⁴⁸).

Слова Штала нашли себѣ еще болѣе разительное и совершенно неожиданное подтвержденіе въ самой Пруссіи и потомъ въ Германіи. Послѣ 1849 г., когда въ прусскомъ парламентѣ ораторствовалъ малоизвѣстный депутатъ Отто фонъ-Бисмаркъ Шенгаузенъ, прошло 25 лѣтъ. Втеченіе этого времени, совершилось много великихъ и малыхъ событій, и между прочимъ малоизвѣстный ораторъ 1849 г. превратился въ князя—канцлера германской имперіи, руководителя внѣшней и внутренней германской политики. Руководимое княземъ Бисмаркомъ, прусское правительство въ 1873 г. нашло, что оставаться при прежнемъ

порядкѣ, по которому одно только церковное вѣнчаніе допускалось, какъ законный способъ заключенія брака, невозможно. Въ жизни нерѣдко встрѣчались случаи, когда христіане и евреи желали вступить въ бракъ, котораго однако не повѣнчалъ бы ни одинъ священникъ. Законъ давалъ довольно широкую возможность развода, съ правомъ вступленія въ новые браки, а между тѣмъ духовенство нерѣдко отказывалось вѣнчать эти новые браки, считая ихъ противными христіанской нравственности. Далѣе существовали такія религіозныя секты (меннониты, баптисты), за духовенствомъ которыхъ законъ не признавалъ права вѣнчанія съ гражданскими послѣдствіями. Притомъ, благодаря борьбѣ государства съ римско-католическою церковью, которая отказывалась исполнять новые прусскіе церковные законы, весьма часто случалось, что государство отрѣшало священниковъ отъ ихъ должностей за неповиновеніе законамъ, а эти отрѣшенные духовныя лица тѣмъ не менѣе продолжали дѣйствовать какъ священники, вѣнчали между прочимъ и браки, такъ что государство оказывалось въ довольно конфузномъ положеніи: оно должно было признавать законными браки, обвѣнчанные незаконными, въ его глазахъ, священниками ⁴⁹).

Итакъ, остаться при одномъ церковномъ способѣ заключенія брака оказывалось невозможнымъ, — нужно было ввести гражданскій бракъ. Прусскіе государственные люди могли воспользоваться уже значительной массой историческаго опыта изъ разныхъ странъ Европы, чтобы съ разумѣніемъ и основательностію высказаться за тотъ, или за другой видъ гражданского брака. Они могли сдѣлать сравнительную оцѣнку трехъ типическихъ формъ гражданского брака, которыя уже въ прошломъ столѣтіи обособились и опредѣлились съ достаточною ясностію, для того чтобы или допустить его, только лишь какъ государственную необходимость, въ случаяхъ неизбѣжной крайности, — или допустить его, какъ факультативный, съ предоставленіемъ на добрую волю каждаго обратиться къ чиновнику вмѣсто священника, или

къ священнику вмѣсто чиновника, — или наконецъ ввести гражданскій бракъ обязательный для всѣхъ и каждаго, съ тѣмъ чтобы церковное священнодѣйствіе совершалось для тѣхъ, кто желаетъ его, послѣ совершенія гражданского акта. И каковъ же былъ результатъ? 9 марта 1874 г. изданъ былъ прусскій законъ о введеніи обязательнаго гражданского брака, а 6-го февраля слѣдующаго 1875 г. этотъ прусскій законъ былъ изданъ какъ имперскій законъ, т. е. обязательный гражданскій бракъ введенъ во всѣхъ государствахъ, составляющихъ германскую имперію. Не забудемъ, что обязательный гражданскій бракъ есть не что иное, какъ то самое „французское шарлатанство“, которое Бисмаркъ громилъ въ 1849 г.

Не безынтересно познакомиться съ тѣми соображеніями, которыми руководились прусское правительство и палаты прусскаго парламента, при введеніи обязательнаго гражданского брака.

Рожденіе, бракъ и смерть суть условія и предположенія всѣхъ, или, по крайней мѣрѣ, большей части гражданскихъ и политическихъ правъ. Съ момента рожденія начинается правоспособность, которая оканчивается съ моментомъ смерти, а смерть опять становится основаніемъ для правъ и обязанностей другихъ лицъ. Поэтому не кто другой, какъ государственная власть, имѣетъ неоспоримую обязанность установить тѣ основы, отъ которыхъ оно ставить въ зависимость эти права и обязанности, и обезпечить возможность исполненія относящихся къ нимъ условій. Бракъ въ особенности есть основа всего семейственнаго права. Поэтому опять не кто либо другой, а именно государство имѣетъ право опредѣлять условія и форму заключенія брачнаго союза, — вѣдь кто же другой, какъ не государство, будетъ опредѣлять личныя права состоянія каждаго гражданина? Хотя вѣками уже сложилась тѣсная связь брака съ церковнымъ благословеніемъ; но связываемыя съ этимъ благословеніемъ юридическія послѣдствія основываются единственно на государственномъ законѣ, такъ что церковное вѣнчаніе, какъ юридическій актъ, есть уч-

режденіе государственное, которое можетъ быть и устранено государствомъ. Большая часть столеновеній между государствомъ и церковью по поводу заключенія брака и засвидѣтельствованія его, произошла оттого, что церковь предоставленную ей государствомъ власть разсматривала не какъ производную, а какъ свою собственную.

Въ двухъ другихъ формахъ гражданскаго брака, т. е. въ вынужденномъ необходимостію и въ факультативномъ съ недостаточною ясностію выступаетъ мысль, которая и есть самая главная и существенная, — что заключеніе брака опирается на авторитетъ государства, и, благодаря именно этой неясности, множество людей держится того мнѣнія, что гражданское заключеніе брака есть нѣчто низшее сравнительно съ церковнымъ. Что касается, въ особенности, гражданскаго брака, вынужденнаго крайнею необходимостію, то, натурально, каждый разъ какъ церковь отказывается въ вѣнчаніи, на бракъ ложится пятно противуцерковности и даже безнравственности. И при всемъ томъ, не смотря на отказъ церкви, гражданскій бракъ былъ бы, такъ сказать, триумфомъ отдѣльнаго члена надъ церковною властью, которой онъ подчиненъ. „А, такъ вотъ же я добился того, что мнѣ было нужно, вступилъ въ законный бракъ, обходя тебя и твоихъ священниковъ“, — такъ приблизительно можетъ разсуждать большинство тѣхъ, кого необходимость вынудить къ гражданскому браку. Гражданскій бракъ получаетъ неминуемо оппозиціонный относительно церкви характеръ, и государство ставится на сторону этой оппозиціи, какъ бы даетъ ей потачку, поощряетъ ее и легализируетъ, чего именно оно и должно избѣгать. Факультативный гражданскій бракъ и еще вреднѣе. Со стороны государства тутъ свидѣтельствуется полнѣйшій индифферентизмъ, противорѣчащій самымъ элементарнымъ требованіямъ государственной политики. Государство говоритъ подданнымъ: „по мнѣ все равно, какимъ бы способомъ ни вступали вы въ браки: желаете вѣнчаться въ церкви? прекрасно, вѣнчайтесь,

ваши браки будутъ признаны законными; не желаете вѣнчаться и предпочитаете обратиться къ государственному чиновнику, съ тѣмъ чтобы онъ выслушалъ и записалъ ваше согласіе на вступленіе въ бракъ? и это прекрасно, такіе браки точно также будутъ признаны законными“. Итакъ, подданнымъ предоставляется отъ государства право выбора, и это право выбора прямо получаетъ враждебный церкви характеръ. Спрашивается: чѣмъ будетъ руководиться гражданинъ, дѣлая выборъ между гражданскимъ и церковнымъ заключеніемъ брака? Единственно своимъ уваженіемъ или неуваженіемъ къ церковнымъ правиламъ. Тутъ не только обнаруживается явнымъ образомъ существовавшее уже охлажденіе къ церкви: государство тутъ прямо поощряетъ, покровительствуетъ членамъ церкви въ неисполненіи ими церковныхъ заповѣдей. Оно не должно совѣмъ предлагать этого опаснаго соблазнительнаго выбора, который можетъ повести за собою даже совершенно отчужденіе отъ церкви. Предположимъ, что кто либо въ представившемся ему выборѣ предпочелъ „сукно чиновника“ „алтарю священника“. Чѣмъ будетъ объяснять священникъ такой исходъ выбора? Очевидно, пренебреженіемъ къ церкви! Отсюда мѣры церковнаго вразумленія и даже церковныхъ наказаній по отношенію къ лицамъ, которыя, однако, пользуются своимъ законнымъ правомъ, предоставленнымъ имъ и защищаемымъ со стороны государства. Понятно, что гражданскій бракъ, вынужденный необходимостію и факультативный почти никогда не подають надежды на дополненіе ихъ церковнымъ вѣнчаніемъ, и самое вѣнчаніе церковное, при факультативномъ бракѣ унижается на степень простого удостовѣренія законности брака, утрачивая сполна свой священно-религіозный характеръ.

Если уже ходъ государственной жизни привелъ къ убѣжденію въ невозможности поддерживать исключительно церковное вѣнчаніе, то, по мнѣнію прусскаго правительства, нужно было ввести обязательный гражданскій бракъ, и никакой другой. Обязательный гражданскій бракъ соотвѣтствуетъ всѣмъ вы-

яснившимся потребностямъ современной государственной жизни. Онъ служить совершенно яснымъ и приличнымъ выраженіемъ того политическаго догмата, что государственная власть имѣетъ право и вмѣстѣ съ тѣмъ обязана обезпечить за всѣми подданными возможность вступленія въ законный бракъ. Благодаря обязательному гражданскому браку, достигается единство регистраціи, т. е. одно изъ чрезвычайно важныхъ практическихъ удобствъ, котораго государство не можетъ не цѣнить. До сихъ поръ оффиціальная записъ браковъ и другихъ событій, отъ которыхъ зависятъ права состоянія каждаго гражданина, дѣлалась духовенствомъ. Но духовенство связываетъ регистрацію личнаго состоянія съ религіозными дѣйствіями, къ которымъ нельзя принуждать разновѣрцевъ, а слѣдовательно отсюда сама собою вытекаетъ необходимость запутаннаго и разбросаннаго дробленія регистраціи, такъ что выправка документовъ, важныхъ для гражданскихъ правъ, напр. для наслѣдованія, или для государственныхъ обязанностей, напримѣръ для воинской повинности, очень затруднена. Католикъ, лютеранинъ, реформатъ, еврей, меннонитъ, сектантъ,—всѣ эти лица должны обращаться въ разные мѣста для выправки документовъ. Да и того не слѣдуетъ забывать, что духовенство записываетъ напримѣръ крещеніе и погребеніе, между тѣмъ какъ для гражданскихъ цѣлей важно знать не это, а день и часъ рожденія и смерти. При обычаѣ позднихъ крещеній установленіе момента рожденія очень сомнительно, такъ какъ священникъ не имѣетъ ни полицейскихъ средствъ, ни важнаго церковнаго интереса собирать точныя свѣдѣнія о времени рожденія на свѣтъ младенца. Если дитя умираетъ до крещенія, или если церковное погребеніе не требуется или отказано въ немъ; то священникъ и совсѣмъ не вноситъ этихъ событій въ метрическія книги, и съ своей точки зрѣнія правъ. Съ введеніемъ обязательнаго гражданского брака само собою вводится единство, облегченіе и упрощеніе въ дѣло регистраціи и удостовѣренія правъ состоянія, потому что регистрація поручается одному

и тому же лицу, чиновнику гражданского состоянія, предъ которымъ и самый бракъ заключается, которому вмѣстѣ съ тѣмъ поручается вести росписи рожденія и смерти.

При обязательномъ гражданскомъ бракѣ предупреждаются всякаго рода столкновенія и стѣсненія. Избавленъ отъ стѣсненія тотъ, кто почувствовалъ-бы себя оскорбленнымъ въ своей совѣсти, если бы его принудили къ церковной церемоніи, въ которую онъ не вѣруетъ. Избавлено отъ стѣсненія духовенство, такъ какъ его никто не будетъ принуждать къ такому вѣнчанію противъ совѣсти, которое противорѣчило бы церковнымъ правиламъ. Наконецъ обязательный гражданскій бракъ не становится ни въ малѣйшую оппозицію съ церковнымъ бракомъ, нисколько не умаляетъ и не ослабляетъ потребности въ церковномъ вѣнчаніи. Можно сказать даже, что онъ служитъ не къ подрыву, а къ поддержанію интересовъ церкви. Церковное кѣнчаніе и благословеніе желаются здѣсь не ради какихъ нибудь расчетовъ, не для того только, чтобы придать легальный характеръ супружескому сожитію, а ради самаго благословенія. Церковное священнодѣйствіе, относящееся къ религіозной и нравственной сторонѣ брака, выигрываетъ въ чистотѣ и святости, какъ свободно исполненная обязанность совѣсти. Актъ, добровольно испрашиваемый, не умаляетъ, а возвышаетъ авторитетъ церкви. Обязательнымъ гражданскимъ бракомъ совѣсть человѣка могла бы быть возмущена только тогда, когда отъ него потребовалось бы вступленіе въ бракъ безъ благословенія Божія и безъ церковнаго освященія, а объ этомъ совѣсьмъ и рѣчи нѣтъ. Гражданскій бракъ есть гражданскій союзъ, установленный гражданскою властію для гражданскихъ цѣлей, защищаемый этою властію, и расторгаемый по ея законамъ. Гражданская церемонія заключенія брака есть не что иное, какъ государственная форма заключенія и удостоверенія брачнаго союза, существующая или установленная помимо церковной, подлѣ церковной, независимо отъ церковной, но не въ отрицаніе ея. Когда-то законъ гражданскій принуждалъ,

подъ страхомъ наказанія, исповѣдываться и причащаться Св. Таинъ, и развѣ отмѣна этого законнаго принужденія означаетъ отмѣну Евхаристіи? Напротивъ, таинства-то церковныя именно и должны основываться на свободномъ внутреннемъ требованіи сердца человѣческаго. Съ характеромъ-то церковныхъ таинствъ именно и стоитъ въ противорѣчій, если преподаваніе и принятіе таинства служатъ путемъ къ дарованію и пріобрѣтенію политическихъ и гражданскихъ правъ. Или напр. не стоитъ ли въ противорѣчій съ характеромъ брака, какъ таинства, насильственное, принудительное преподаваніе этого таинства людямъ невѣрующимъ, не принадлежащимъ къ церкви, можетъ быть, осмѣивающимъ и церковь, и это самое таинство, которое имъ преподается? Вотъ тутъ дѣйствительно можно только поражаться униженіемъ церковнаго священнодѣйствія!—Какъ видно, мотивы въ пользу обязательнаго гражданскаго брака въ самомъ дѣлѣ уважительны и солидны, такъ что Шталь былъ правъ⁵⁰), когда онъ сказалъ, что защитниками обязательнаго гражданскаго брака могутъ оказаться люди самые честные и набожные.

Не безынтересны нѣкоторыя статистическія данныя для опредѣленія взаимнаго отношенія между обязательнымъ гражданскимъ бракомъ и церковнымъ вѣнчаніемъ. Непосредственно вслѣдъ за изданіемъ прусскаго закона 1874 г. и германскаго 1875 г., какъ и естественно было ожидать, число опущеній церковнаго вѣнчанія было наибольшее. Но затѣмъ, съ каждымъ годомъ менѣе и менѣе оказывалось людей, желавшихъ ограничиться одною гражданскою церемоніей безъ церковнаго вѣнчанія.

Въ Пруссіи, въ пятилѣтній періодъ времени 1875—1879 г. на сотню евангелическихъ браковъ приходилось повѣнчанныхъ:

въ 1875 г.	83,44
1876	86,43
1877	87,36
1878	88,29
1879	89,38.

Въ большихъ городахъ, гдѣ сравнительно гораздо слабѣе развита религіозная жизнь, въ тотъ же періодъ времени точно также послѣдовало замѣтное усиленіе церковнаго участія въ бракахъ:

въ Бреславлѣ	съ 60,6	поднялось на 64,4
Кенигсбергъ	65,5	66,6
Ганноверъ	83,6	97,0
Франкфуртъ на Майнѣ	46,9	50,2
Данцигъ	64,2	70,0
Берлинъ	27,3	40,4

Въ другихъ Государствахъ Германіи: въ Баваріи съ 1876 по 1879 число церковныхъ вѣнчаній повысилось съ 93, 35 на 98, 55, а число опущеній вѣнчанія понизилось съ 6,65 на 1,45. Въ Саксоніи съ 1876 по 1879 число опущеній вѣнчанія понизилось съ 7,76 на 3,41. Почти тоже самое въ Виртембергѣ и Баденѣ⁵¹⁾.

Выводъ, который получается изъ представленныхъ цифровыхъ данныхъ, очевидно, самъ по себѣ, не располагаетъ къ пессимистическому сужденію о положеніи дѣлъ при обязательномъ гражданскомъ бракѣ. Если на первыхъ порахъ оказывается много желающихъ ограничиться одною гражданскою церемоніей, причемъ изъ этихъ многихъ не немногіе дѣйствуютъ просто по необходимости и легкомыслію; то вскорѣ же затѣмъ религіозный инстинктъ народа начинаетъ реагировать противъ увлеченія гражданскимъ бракомъ. Показанія статистики не могли не имѣть известной доли убѣдительности при новомъ разсмотрѣніи вопроса объ обязательномъ гражданскомъ бракѣ въ германскомъ рейхстагѣ, въ дополненіе къ тѣмъ доводамъ, которые высказаны были въ его пользу при первомъ его обсужденіи.

Къ 1880-му году образовалась, благодаря въ особенности извѣстному придворному проповѣднику Штекеру, сильная агитація противъ обязательнаго гражданского брака. Въ рейстагъ поступило 1643 петиціи съ 150,000 подписей объ отмѣнѣ его, и только 38 петицій за его удержаніе. Но странно, что петиціи,

направлявшіяся противъ обязательнаго гражданскаго брака, какъ насилующаго христіанскую совѣсть, настаивали на введеніи факультативнаго гражданскаго брака, сопровождающагося несомнѣнно вредными послѣдствіями для народной жизни. Агитаторовъ и просителей постигла серьезная неудача. Прежде всего католическій центръ рейхстага не вступился въ это дѣло, такъ какъ агитація исходила отъ протестантовъ. Центръ заявилъ, что католики признаютъ бракъ за таинство, и что петиціи, представленныя протестантами въ рейхстагъ, мотивированы частью неточно, частью и совсѣмъ неправильно. Спеціальная „комиссія петицій“ высказалась большинствомъ голосовъ, хотя и незначительнымъ, за удержаніе обязательнаго гражданскаго брака. Представитель отъ правительства, присутствовавшій въ комиссіи, совсѣмъ не вмѣшивался въ дебаты, давая понять, что правительство не видитъ оснований къ измѣненію или отмѣнѣ существующаго закона объ обязательномъ гражданскомъ бракѣ. Вопросъ не былъ даже внесенъ на обсужденіе рейхстага *in pleno* ⁵²).

VI.

Неудача, постигшая агитаторовъ противъ обязательнаго гражданскаго брака въ пользу факультативнаго, не означаетъ ни того, чтобы обязательный гражданскій бракъ и на будущее время былъ застрахованъ въ Германіи противъ отмѣны, ни того, чтобы, и по самой своей сущности, этотъ бракъ стоялъ выше сомнѣній, возраженій и порицаній. Если стать на отвлеченно—теоретическую точку зрѣнія и разсуждать такъ-же, какъ разсуждали проповѣдники естественнаго права; если бы исключительно руководиться тою научною точностію и тѣмъ научнымъ безпристрастіемъ, съ которыми напр. натуралистъ обозначаетъ каждую разновидность, не позволяя себѣ смѣшивать одной разновидности съ другою: то, пожалуй, не легко было бы возразить что нибудь основательное противъ обязательнаго гражданскаго брака. Со всѣми тѣми сооб-

раженіями, которыя приводились прусскимъ правительствомъ и ораторами въ прусскихъ палатахъ, во время дебатовъ, въ пользу обязательнаго гражданскаго брака, трудно не согласиться. Въ самомъ дѣлѣ, государство имѣетъ и право и обязанность опредѣлить условія, форму и прекращеніе брачнаго союза, который служить основою гражданскихъ и политическихъ правъ. Но если таково призваніе государства, то оно и должно показать себя достойнымъ этого призванія, именно своимъ попеченіемъ о достоинствѣ и святости брака. А народный обычай церковнаго вѣнчанія и служить лучшимъ средствомъ къ поддержанію его святости. Государству нѣтъ надобности противопоставлять государственную форму заключенія брака церковной формѣ. Оно можетъ, безъ всякихъ обиняковъ, прямо и откровенно, сказать, что церковное вѣнчаніе браковъ, въ его глазахъ, есть наилучшая, достойнѣйшая форма заключенія брака.

Для государства должно быть совершенно ясно, что если когда, то въ ожиданіи брачной церемоніи, человѣкъ находится далеко не въ обыденномъ настроеніи, и склоненъ предпочесть церковный обрядъ скучной гражданской церемоніи, которая не можетъ перенести холодную юридическую сдѣлку въ область внутренняго чувства, которая не даетъ никакого выраженія внутреннему субъективному состоянію, испытываемому людьми, ожидающими момента заключенія брака. Бракъ не есть связь мимолетная, страстью вызываемая и прихотью прекращаемая. Нѣтъ ничего непонятнаго въ томъ, что, въ ожиданіи момента заключенія брака, которымъ завязываются узы, оканчивающіяся лишь вмѣстѣ съ жизнію, человѣкъ чувствуетъ потребность обратиться къ содѣйствію высшей божественной силы. Развѣ есть что нибудь странное въ томъ, что въ этотъ моментъ человѣкъ болѣе, чѣмъ когда нибудь, способенъ вспомнить, что верховный Создатель великой человѣческой семьи не можетъ оставаться вдали отъ совершенія того акта, которымъ семья основывается. Безспорно и то, что христіане суть члены того и другаго. Но изъ

этого совѣмъ не вытекаетъ необходимости заключать бракъ дважды: въ первый разъ для государства и въ государственной формѣ, потомъ для церкви и въ церковной формѣ. Человѣкъ-то вѣдь все таки одинъ и тотъ же. Его нельзя расколоть, такъ сказать, на два существа и сказать, что вотъ эта половина представляетъ меня какъ гражданина государства, а другая половина означаетъ меня, какъ члена церкви. Не только какойнибудь простецъ, неспособный къ резонированію и къ рефлексіи, но и человѣкъ интеллигентный не всегда пойметъ, зачѣмъ это нужно дважды заключать браки. Отъ отцовъ и дѣдовъ масса народная приняла и съ матернимъ молокомъ всосала, что бракъ заключается передъ Богомъ, однажды и навсегда, черезъ церковное вѣнчаніе. И государство, вмѣсто того, чтобы говорить гражданину: „женись сначала для меня и въ той формѣ, которую я предписываю, а потомъ можешь жениться и для церкви, въ той формѣ, которой она требуетъ“, — можетъ открыто провозгласить, какъ несомнѣнную истину: если женихъ и невѣста, съ сознаніемъ необходимости божественной помощи, вступаютъ въ бракъ въ церкви черезъ церковное вѣнчаніе, то въ этомъ можно видѣть лишь наилучшее ручательство такой христіански—благоустроенной семейной жизни, которая именно и нужна государству, какъ основа его собственнаго существованія.

Агитація противъ обязательнаго гражданскаго брака въ Германіи и во французской католической литературѣ, какъ насилующаго христіанскую совѣсть, несовѣмъ неосновательна. Мы можемъ пожалуй допустить, что никакого стѣсненія совѣсти не будетъ въ томъ случаѣ, когда человѣкъ, который считаетъ своимъ нравственно-религіознымъ долгомъ освятить свой бракъ церковнымъ вѣнчаніемъ, обязывается, прежде чѣмъ приступить къ церковному священнодѣйствию, выслушать сначала отъ чиновника провозглашеніе его законнымъ супругомъ. Пусть христіанинъ смотритъ на гражданскій актъ, какъ на простую, не совѣмъ понятную, но и необременительную для совѣсти формальность.

Пусть въ церковномъ вѣнчаніи именно видитъ онъ тотъ главный и существенный актъ, въ силу котораго бракъ дѣлается совершеннымъ передъ Богомъ. Пусть не будетъ ничего не только комическаго, но и страннаго въ томъ, что объявленная уже по закону женою является къ священнику для вѣнчанія, какъ дѣвица не замужня и выслушиваетъ вопросъ о томъ, желаетъ ли она имѣть мужемъ такое-то лицо, которое уже объявлено ей мужемъ по закону. Но что сказать о такихъ случаяхъ, и весьма нерѣдкихъ, какъ показала практика французскихъ судовъ, когда женихъ, ставшій мужемъ по закону, послѣ того какъ чиновникъ провозгласилъ его таковымъ въ присутственной камерѣ, не соглашается идти въ церковь на вѣнчаніе, довольствуясь одною гражданскою церемоніей, хотя раньше передъ бракомъ было условлено, или, по крайней мѣрѣ, предполагалось, какъ несомнѣнное, тотчасъ послѣ гражданской церемоніи обвѣнчаться въ церкви? Можно представить себѣ положеніе молодой дѣвушки, которую законъ объявилъ уже женою, и которая однако не умомъ только, а всею душою чувствуетъ, что законный передъ Богомъ и совѣстію бракъ есть только тотъ, который въ церкви получилъ Божіе благословеніе. Во Франціи этого рода случаи встрѣчаются весьма нерѣдко въ судебной практикѣ; они-то главнымъ образомъ и даютъ оружіе въ руки противниковъ обязательнаго гражданского брака. Въ судебной практикѣ и въ юриспруденціи выставлены были разныя системы для разрѣшенія подобныхъ казусовъ. Напр. нѣкоторые держались того мнѣнія, что бракъ въ данномъ случаѣ долженъ быть уничтоженъ, объявленъ недействительнымъ, по причинѣ явной ошибки. Все равно какъ если бы кто, имѣя въ виду вступить въ бракъ съ однимъ лицомъ, вступилъ ошибочно въ бракъ съ другимъ, такъ и здѣсь отказъ отъ вѣнчанія представляетъ мужа совершенно другимъ, съ нравственной стороны, человѣкомъ, чѣмъ какимъ его раньше принимали. Общепринятымъ сдѣлался взглядъ Демоломба, по мнѣнію котораго, въ случаѣ отказа мужа отъ вѣнчанія, жена имѣетъ

право требовать судебнымъ порядкомъ *séparation de corps* (разлученія отъ сожительства, т. е. *фактическаго* развода, безъ права вступленія въ новый бракъ), на томъ основаніи, что мужъ нанесъ ей тяжкое оскорбленіе (*injure grave*), требуя отъ нея супружескаго сожитія безъ предварительнаго церковнаго вѣнчанія, — такъ какъ по французскимъ законамъ, въ случаѣ тяжкаго оскорбленія, супругъ можетъ требовать *séparation de corps*⁵³). Въ литературѣ французской, повидимому, высказываются взгляды въ пользу совершеннаго, т. е. не только фактическаго, но и юридическаго, *развода* (*divorce*), въ случаѣ отказа одного изъ супруговъ отъ церковнаго вѣнчанія.

Во всякомъ случаѣ какъ бы ни разрѣшались въ практикѣ судебной подобныя казусы, въ виду этихъ казусовъ пожалуй не окажется ничего преувеличеннаго въ нѣсколько тривіальномъ, но мѣткомъ сравненіи, которое сдѣлалъ одинъ изъ горячихъ противъ и противниковъ обязательнаго гражданскаго брака, французскій адвокатъ Сеншоль, авторъ книжки: „*le mariage civil et le mariage religieux*“. Сеншоль желаетъ доказать, что законодательство французское совершенно неправильно изъ принципа свободы вѣроисповѣданій, изъ того, что законъ гражданскій долженъ имѣть въ виду только гражданъ, выводитъ необходимость обязательнаго гражданскаго брака, и что самымъ правильнымъ выводомъ изъ этого принципа было бы лишь предоставленіе членамъ всевозможныхъ вѣроисповѣданій и сектъ права вѣнчаться и благословляться по ихъ религіознымъ вѣрованіямъ и обрядамъ. Онъ сравниваетъ систему французскаго законодательства съ такими напр. приемами содержателя гостинницы. Представимъ себѣ, что пятеро путешественниковъ прибыли въ одну гостинницу, въ которой, для утоленія ихъ голода, не оказалось ничего, кромѣ яицъ. Изъ пяти путешественниковъ трое заявили, что они желали бы получить яичницу, четвертый добавилъ, что онъ можетъ ѣсть только не просто яичницу, а непременно глазунью, пятый отозвался, что онъ можетъ ѣсть яйца только въ

смятку. Хозяинъ гостинницы легко могъ бы удовлетворить желаніямъ всѣхъ ихъ, изготовивъ яйца такъ, какъ желалось каждымъ изъ нихъ. Но трактирщикъ оказался философомъ кухни: онъ любилъ яйца только въ крутую и съ салатомъ. И вотъ этотъ философъ держитъ такую приблизительно рѣчь къ путешественникамъ: „господа, въ своей гостинницѣ я провозгласилъ принципъ свободы вкусовъ. Васъ пятеро, и вкусы ваши различны. Я вижу въ васъ только путешественниковъ, и, оставаясь послѣдовательнымъ моему принципу свободы вкусовъ, я подаю вамъ яйца нетакъ, какъ вы ихъ любите и требуете, а какъ я люблю, въ этомъ видѣ вы и будете ихъ кушать, если голодъ не позволить вамъ обойтись безъ яицъ“. Не точно ли также поступаетъ и государство, спрашиваетъ Сеншоль, которое во всѣхъ подданныхъ видитъ только гражданъ и на этомъ основаніи предписываетъ имъ не такую форму заключенія брака, которая каждому желательна по его религіозномъ вѣрованіямъ, а такую, кабая кажется желательною и необходимою самому государству? А между тѣмъ, благодаря такой обязательной формѣ, христіане становятся въ ложное отношеніе къ государственному закону: церковь необходимо должна внушать имъ недовѣріе къ этому закону, убѣждать, что гражданскій актъ, одинъ самъ по себѣ, не имѣетъ никакого значенія. Можно бы было, пожалуй, избѣгнуть указанныхъ неудобствъ введеніемъ обязательнаго гражданского брака въ румынской или итальянской модификаціи, т. е. съ обязательнымъ церковнымъ вѣнчаніемъ до или послѣ гражданского акта. Но тогда возникалъ бы вопросъ: если необходимо нужно церковное вѣнчаніе, такъ не лишнимъ ли оказывается гражданскій актъ, нельзя ли однимъ вѣнчаніемъ и удовлетвориться?

Русскій юристъ и государственный человѣкъ, К. П. Побѣдоносцевъ, разсуждая о возможности введенія гражданского брака въ Россіи, въ немногихъ, но чрезвычайно сильныхъ и справедливыхъ словахъ, — съ которыми нельзя не согласиться — объясняетъ непримѣнимость этого учрежденія къ современному русскому

юридическому быту. „Учрежденіе гражданскаго брака“ говоритъ онъ, противорѣчитъ кореннымъ основамъ здраваго религіознаго чувства въ народѣ и само въ себѣ заключаетъ внутреннее противорѣчіе: зачѣмъ прививать къ простому быту, не привыкшему къ раздѣленіямъ и столкновеніямъ между церковью и государствомъ столь искусственное учрежденіе, какъ гражданскій бракъ, который поведетъ лишь къ соблазну и къ отягощенію народному? Онъ поведетъ къ соблазну, потому что совѣтъ народная не пойметъ и не приметъ раздвоенія брака. Онъ поведетъ къ отягощенію, потому что строгія и сложныя формальности, неразлучныя съ гражданскою формою брака, непременно превратятся въ канцелярскія формальности и въ рукахъ чиновниковъ, не всегда способныхъ разумѣть смыслъ порученной имъ буквы, непременно станутъ источникомъ и предлогомъ всякаго рода затрудненій, проволочекъ и притязаній, наконецъ непременно соединятся съ пошлинами и поборами, о которыхъ не имѣютъ и приблизительнаго понятія тѣ, кому теперь иногда приходится въ исключительныхъ случаяхъ роптать на притязательность сельскаго духовенства въ дѣлахъ брачныхъ. Представимъ себѣ брачное дѣло, отрѣшенное отъ естественной среды своей — отъ прихода — и перенесенное въ другую официальную среду, напр. въ кварталъ, въ волость, въ округъ мирового судьи и т. п. Формальности, предшествующія браку, соединятся съ канцелярскимъ хожденіемъ по дѣлу, которое для народа станетъ непременно обременительнѣе нынѣшнихъ объясненій и переговоровъ съ церковнымъ причтомъ, поставятъ между просителемъ и главнымъ совершителемъ обряда бумагу и канцелярію, въ которой каждый изъ мелкихъ чиновниковъ захочетъ питаться отъ своего дѣла⁵⁴).

По поводу приведенныхъ словъ К. П. Побѣдоносцева, невольно припоминается одинъ изъ мотивовъ, приводившихся прусскимъ правительствомъ въ 1873 г. въ пользу обязательнаго гражданскаго брака. Обязательный гражданскій бракъ, говорило правительство, облегчаетъ, упрощаетъ и объединяетъ регистрацію бра-

ковъ и веденіе актовъ состоянія, такъ какъ, съ возложеніемъ этого дѣла на чиновника гражданскаго состоянія, всякій гражданинъ, какого бы онъ ни былъ вѣроисповѣданія, обращался бы къ этому чиновнику и всякій бы зналъ, что не въ нѣсколькихъ десяткахъ учрежденій, а у одного и того же, поставленнаго государствомъ, чиновника гражданскаго состоянія можно получать разные документы, копии и справки, относящіяся до правъ состоянія, наследованія, отбыванія государственныхъ повинностей и проч. Можетъ быть, въ другихъ государствахъ и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего труднаго въ установленіи такого порядка вещей, чтобы веденіе актовъ состоянія возложено было на особый государственный служебный персоналъ. У насъ же, какъ кажется, удовлетворительная организація статистики вообще оказывается дѣломъ нелегкимъ и недешевымъ. А между тѣмъ приходское духовенство наше, можетъ быть не всегда и подозрѣвая важность того дѣла, которое оно ведетъ, собираетъ статистическія данныя относительно важнѣйшихъ соціально-юридическихъ отношеній гражданъ, и въ тоже время не требуетъ за этотъ свой трудъ ровно ни одной копѣйки изъ государственной казны.

Въ пользу церковнаго вѣнчанія, какъ не только наилучшей и достойнѣйшей формы вступленія въ бракъ, но и какъ въполнѣ соответствующей русскому народному сознанію и русскому юридическому быту, можетъ быть приведено и еще одно цѣнное историческое указаніе. Наши русскіе сектанты, русскіе диссиденты, какъ старовѣрческаго, такъ и рационалистическаго направленія, по отдѣленіи отъ церкви, сохранили въ себѣ непреодолимое стремленіе къ религіозной формѣ заключенія браковъ. Раскольники-поповцы, при всемъ неудобствѣ добывать себѣ бѣглыхъ поповъ, все таки не выдумали никакой другой формы вступленія въ бракъ, кромѣ церковнаго вѣнчанія съ участіемъ священника, который, разумѣется, долженъ совершать обрядъ вѣнчанія по старымъ книгамъ и съ старыми обрядами, напр. съ хожденіемъ посолонь вокругъ налож. Что же касается без-

поповцевъ, то они явили міру поразительный примѣръ приверженности русскаго человѣка къ церковному вѣнчанію. Когда до-никоновское священство пресѣклось, и не всё раскольники рѣшились довольствоваться бѣглыми попами, часть ихъ признала, что священство уже не существуетъ болѣе на землѣ и не можетъ существовать, такъ какъ погибла истинная церковь, а слѣдовательно не можетъ существовать и брака. На сколько приверженнымъ нужно быть къ церковному вѣнчанію черезъ священника, чтобы, въ виду невозможности имѣть священника, отказаться отъ самого брака и дойти до чудовищныхъ выводовъ изъ этого отказа! Исторія безпоповства представляетъ глубокой интересъ и въ тѣхъ вѣтвяхъ этого раскольническаго направленія, которыя признали необходимость брака. Въ этой исторіи мы прежде всего встрѣчаемся съ замѣчательною личностью русскаго самоучки—безпоповца, который въ первой половинѣ прошлаго столѣтія упорнымъ трудомъ и природнымъ смысломъ составилъ себѣ такую массу церковно-историческаго знанія, которая сдѣлала бы честь любому русскому доктору богословія конца XIX в.: это былъ Иванъ Алексѣевъ, авторъ сочиненія: „о тайнѣ брака“. Подвигъ его жизни и намѣреніе его ученаго изслѣдованія,—такъ говоритъ Т. И. Филипповъ,—состояли въ томъ, чтобы обществу безпоповцевъ, которые потому единственно и отвергали бракъ, что онъ, по ихъ мнѣнію, не можетъ быть совершенъ безъ правильного священства, доказать, что, напротивъ того, и при отсутствіи истиннаго священства, вполне возможно совершеніе брака, какъ таинства⁵⁵). Иванъ Алексѣевъ основательнымъ изученіемъ древней исторіи дошелъ до того убѣжденія, что церковное вѣнчаніе сравнительно—поздно признано было таинствомъ, что таинство древняя церковь поставляла не въ обрядѣ церковномъ, а въ самомъ существѣ супружескаго союза, и въ развитіи этого своего положенія Алексѣевъ обнаружилъ столько знанія и обстоятельности, что, читая его аргументацію, какъ будто имѣешь дѣло съ ученымъ богословомъ католической церкви, которая

также вѣруеть, что таинство состоитъ въ существѣ супружескаго союза. Близость русскаго самоучки къ католическому богословію обнаружилась и еще въ одномъ отношеніи. Подобно тому какъ въ римско-католической церкви, видящей въ формѣ заключенія брака только гарантію его публичности, дозволялось иногда, даже со стороны церковной власти, вѣнчаться у протестантскихъ пасторовъ, тамъ гдѣ требовалъ этого государственный законъ страны, — такъ какъ, собственно говоря, и вѣнчаніемъ передъ иновѣрнымъ священнослужителемъ вполне гарантируется публичность брака, — точно также Иванъ Алексѣевъ старался убѣдить безпоповцевъ, что они могутъ вѣнчаться у священниковъ никоніанскихъ, т. е. православныхъ, въ православныхъ церквахъ. Если таинство брака состоитъ не въ священнодѣйствіи какомъ либо церковномъ, какъ этому учила древняя церковь и какъ этому учить до сихъ поръ римско-католическая церковь, то можно, слѣдовательно, успокоиться на той мысли, что и бракъ безпоповцевъ можетъ быть таинствомъ, а вѣнчаніе въ православной церкви должно разсматриваться, какъ законная формальность, гарантирующая публичность брака. Но Иванъ Алексѣевъ, поставляя центръ тяжести всего вопроса въ таинствѣ, и въ этомъ смыслѣ считая бракъ дѣломъ религіознымъ, на вѣнчаніе смотритъ не съ религіозной его стороны. Послѣдующіе за Иваномъ Алексѣевымъ руководители безпоповцевъ, признавшихъ необходимость брака, дали еще болѣе сильное выраженіе той мысли, что форма заключенія брака можетъ быть только религіозная, причемъ къ религіозному акту старались приурочить и запись въ особую брачную книгу. Такъ напр. въ покровской часовнѣ, въ Москвѣ, откуда исходила главная агитація въ пользу необходимости браковъ для безпоповцевъ, сочиненъ былъ особый молебенъ Господу Иисусу на обрядъ бракосочетанія, заведена была особая книга для записей, а потомъ введено еще чтеніе брачнаго апостола и евангелія и пѣніе, при входѣ жениха и невѣсты, псалма: „блаженіи вси боящіися Господа“.

Когда, въ царствованіе императора Николая, были приняты суровыя мѣры противъ раскольниковъ, такъ что и многіе поповцы, лишеныя возможности имѣть бѣглыхъ поповъ, обратились въ безпоповство, а въ безпоповствѣ не стало возможности заключать браки въ моленныхъ, начали прибѣгать въ разныхъ мѣстахъ къ разнымъ способамъ, но обыкновенно съ участіемъ религіознаго элемента. Такъ напр. въ Петербургѣ нѣкій Карпъ Новосадовъ вѣнчалъ раскольниковъ въ своей квартирѣ, а когда онъ былъ арестованъ, этимъ дѣломъ занялась его дочь, Марья Новосадова. Марья Карповна, взявшая на себя это хлопотливое дѣло — раздавать благословеніе на брачную жизнь, приобрѣла не только практику, но и знаменитость. Изъ опасенія разныхъ неудобствъ со стороны полиціи, Марья Карповна вѣнчала большею частію вечеромъ поздно, самое вѣнчаніе состояло въ чтеніи молитвъ, канона, и въ тихомъ пѣніи молебна. Въ другихъ мѣстахъ благословеніе браковъ дѣлалось такимъ образомъ: въ назначенный день собирались родственники желавшихъ вступить въ супружеское сожительство; на поставленномъ предъ ними налоѣ клались крестъ и Евангеліе; наставникъ прочитывалъ молитвы и благословлялъ, послѣ чего новобрачные прикладывались къ кресту и Евангелію. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возлагались на головы жениха и невѣсты иконы вмѣсто вѣнцовъ⁵⁶).

Если мы полюбозытствуемъ взглянуть на секты раціоналистическаго направленія, то мы найдемъ напр. слѣдующее:

Въ каликовской сектѣ (которая, какъ говорятъ, составляетъ смѣсь безпоповщины съ молоканствомъ и штундизмомъ), послѣ того какъ состоялся сговоръ, родители приглашаютъ въ назначенный для бракосочетанія день своихъ родныхъ и знакомыхъ на вечеръ, на которомъ время проводится въ пѣніи божественныхъ пѣсенъ и подходящихъ псалмовъ. Во время пѣнія, женихъ незамѣтно уводитъ невѣсту въ свой домъ, и когда гости обнаружатъ отсутствіе молодыхъ, кончаютъ пѣніе, поздравляютъ отца невѣсты съ новобрачными и расходятся. На другой день ново-

брачные являются къ родителямъ невѣсты просить прощенія, тѣ прощаютъ и благословляютъ ихъ.

У штундистовъ, по словамъ очевидца, старшій братъ общества, играющій роль священника, совершаетъ и браки. Если кто желаетъ жениться и получилъ на это согласіе какъ своихъ, такъ и невѣстныхъ родителей, тогда онъ отправляется къ старшему брату, и заявляетъ ему объ этомъ. Тотъ экзаменуетъ жениха изъ сваящ. Писанія и затѣмъ назначаетъ день свадьбы. Въ этотъ день собирается радѣнье въ домѣ родителей невѣсты: туда и является женихъ. Послѣ молитвы и чтенія Евангелія, старшій братъ благословляетъ жениха и невѣсту, и бракъ заключенъ.

Примѣровъ могло бы быть приведено гораздо болѣе, но и приведенныхъ совершенно достаточно для того, чтобы видѣть, какая форма заключенія брака желательна народу⁵⁷).

VII.

Исторія даетъ намъ полное право сравнивать нашихъ раскольниковъ съ протестантами и кальвинистами западной Европы, при всей разницѣ ихъ руководящихъ принциповъ: съ одной стороны консервативныхъ, а съ другой реформаторскихъ. Русскихъ диссидентовъ можно сравнивать съ диссидентами западно-европейскими и съ точки зрѣнія тѣхъ отношеній, въ которыя они должны были стать къ господствующей церкви и къ государственной власти. Но какъ скоро мы попытаемся сдѣлать сравненіе между тѣми и другими, намъ придется удивиться несходству исторической судьбы тѣхъ и другихъ. Лютеранамъ, кальвинистамъ, и не только имъ, а и многимъ, уже въ собственномъ смыслѣ, сектантамъ удалось отвоевать право гражданства, получить государственное признаніе для своего духовенства и для своего религіознаго общества, такъ что должностнымъ дѣйствіямъ этого духовенства усвоится официальный характеръ. Уже давно прошли тѣ времена, когда духо-

венству диссидентскому предписывался принудительный выѣздъ изъ страны, когда гонимые аденты новаго вѣроисповѣданія собирались въ пустыняхъ, въ лѣсахъ, въ пещерахъ, въ пропастяхъ земныхъ, участвовали здѣсь въ богослуженіи, здѣсь же испрашивали и благословеніе на свое браки. Давно прошло и то время, когда закономъ государственнымъ предписывалось заключать браки по церковному обряду господствующаго вѣроисповѣданія, все равно къ какому бы вѣроисповѣданію ни принадлежали вступающія въ бракъ лица. Нельзя не сознаться, что наша исторія есть одна изъ самыхъ запоздалыхъ въ этомъ отношеніи. Самый ранній изъ указовъ, касающихся до браковъ раскольниковъ, есть указъ Петра Великаго 24 марта 1719 г. Указомъ предписано „съ раскольниковъ, которые женятся тайно не у церкви, безъ вѣчныхъ памятей, наложить особый сборъ, а именно рубли по три съ человѣка мужескаго и женскаго пола, на обѣ стороны поровну, а съ богатыхъ и больше“. Въ такое время, когда государственныя нужды заставляли великаго государя даже и на бороду смотрѣть, какъ на источникъ государственнаго дохода, и облагать ее пошлиной, обложеніе раскольническихъ браковъ трехрублевой съ человѣка пошлиной тѣмъ болѣе понятно и пожалуй даже извинительно, что при православныхъ браковѣчаніяхъ взи­мались особыя т. н. вѣчныя пошлины, отъ которыхъ слѣдовательно избавлялись тѣ, которые не посредствомъ православнаго вѣчанія заключали свои браки. Можно даже сказать, что положеніе раскольника, уплатившаго за себя и за невѣсту 6 руб. и затѣмъ признаваемаго государствомъ въ его качествѣ законнаго мужа, независимо отъ того, гдѣ и какъ онъ обвѣнчался, было бы совсѣмъ не дурнымъ положеніемъ. Къ сожалѣнію, первый законъ о бракахъ раскольниковъ и остался самымъ несходительнымъ изъ всѣхъ законовъ этого рода. Впрочемъ, случилось такъ, что позднѣйшіе законы, изданные въ царствованіе Петра Великаго, которые въ послѣдующія царствованія только подтверждались, вышли отъ синода и сената, а не отъ имени

императора ⁵⁸). Въ этихъ позднѣйшихъ законахъ уже предписывалось принадлежащихъ къ расколу лицъ не вѣнчать, а если безъ церковнаго вѣнчанія жить стануть, допрашивать, кто ихъ вѣнчалъ, или безъ всякаго вѣнчанія живутъ; если скажутъ, что кто нибудь вѣнчалъ ихъ, то такого оговореннаго слѣдуетъ розыскать и представить въ духовное правленіе; здѣсь происходитъ допросъ, какого былъ кто чина, и ежели попъ, кѣмъ посвященъ, имѣеть ли грамоту, не подъ запрещеніемъ ли, а буде непосвященный, давнѣль въ расколѣ и проч. Учиня такимъ образомъ обстоятельное слѣдствіе, такихъ поповъ и прочихъ прордзателей велѣно отсылать для наказанія и ради ссылки на галеры къ свѣтскимъ управителямъ. Если раскольники не желали сказать, кто вѣнчалъ ихъ, или безъ всякаго вѣнчанія сжились, то они подвергались наказанію и даже могли быть потребованы къ розыску въ страшный преображенскій приказъ. Такъ какъ, съ изданіемъ указовъ, рассчитывалось пресѣчь на будущее время всѣ раскольническія требоисправленія: крещеніе младенцевъ, вѣнчаніе брачующихся и погребеніе умершихъ, то раскольникамъ указано обращаться, для означенныхъ требоисправленій, къ православному священникамъ, по чину церковному и по новоисправленнымъ книгамъ. Но это не значило, что раскольники могли лишь только въ этотъ именно моментъ и въ виду данной потребности обратиться къ православному священнику. Нѣтъ, брачившіеся обязывались приѣтомъ присягой и сказками съ жестокимъ подтвержденіемъ: впредь имъ расколу не содержать, но быть твердымъ (!) въ православіи и съ раскольниками никакого согласія не имѣть, и разговоровъ о раскольническомъ ихъ мнѣніи не употреблять и раскольничьихъ учителей при себѣ не держать и нигдѣ съ ними не общаться подъ жестокимъ штрафомъ. Слѣдовательно, положеніе русскихъ раскольниковъ оказывалось гораздо стѣснительнѣе тѣхъ западныхъ диссидентовъ, которымъ приходилось обратиться на разъ къ духовенству другаго вѣроисповѣданія, чтобы заключить законный бракъ, и

которые при этомъ вовсе не обязывались быть вѣрными тому вѣроисповѣданію, къ которому они не принадлежали. Браки раскольниковъ притомъ же, если они были заключены помимо православной церкви, не только не признавались властію, но и принудительно расторгались. Стоило только узнать приходскому священнику, что двое такихъ-то и такихъ-то лицъ, не повѣнчанныхъ имъ, живутъ вмѣстѣ какъ мужъ и жена, и довести объ этомъ до свѣдѣнія епархіальнаго архіерея, или ближайшаго свѣтскаго начальства, то, кромѣ всѣхъ другихъ неприятныхъ послѣдствій такого доноса, супружеское сожительство разрушалось. При императрицѣ Екатеринѣ II, положеніе раскольниковъ вообще значительно улучшилось. Наступило улучшение и касательно браковъ: хотя браки ихъ, совершенные внѣ православной церкви, и не признавались законными со стороны власти, но, по крайней мѣрѣ, они не преслѣдовались и не разрушались. Въ послѣдующія царствованія положеніе раскольниковъ становилось то хуже, то лучше, и эта смѣна темныхъ и свѣтлыхъ интерваловъ зависѣла то отъ администраціи, которая могла съ большимъ и съ меньшимъ усердіемъ примѣнять стѣснительные для раскольниковъ законы, то отъ самого законодательства, которое являлось въ видѣ болѣе суровыхъ и менѣе суровыхъ распоряженій, причемъ еще дѣлалось иногда и такъ, что закономъ требовалось напр. обязывать всѣхъ раскольниковъ вѣнчаться въ православныхъ храмахъ съ присоединеніемъ ихъ къ православію,—это для того чтобы не дать гласной потачки расколу—, а секретно предписывалось епархіальнымъ архіереямъ на настаивать на присоединеніи вѣнчающихся раскольниковъ къ православной церкви. Едва ли не самымъ критическимъ моментомъ для расколическихъ браковъ были пятидесятые годы нынѣшняго столѣтія. Въ 1850 г., по поводу девятой ревизіи, было предписано у безпоповцевъ, вовсе отвергающихъ бракъ, показывать дѣтей по ревизіи незаконнорожденными, а матерей не записывать женами раскольниковъ; но это же самое распо-

ряженіе примѣнено было и ко всѣмъ вообще безпоповцамъ, вступившимъ въ браки внѣ православной или единовѣрческой церкви. Снисходительнѣе относились къ бракамъ поповцевъ, давая возможность женамъ и дѣтямъ ихъ считаться законными по ревизской записи и по полицейскимъ свидѣтельствамъ (но отнюдь не по записямъ духовенства и не на основаніи самого факта повѣнчанія бѣглымъ попомъ). Но въ 1853 г. и отъ поповцевъ предписано требовать, въ доказательство законности брака и рожденія, метрическихъ свидѣтельствъ, т. е. нѣчто такое, чего они представить не могли⁵⁹).

Но наконецъ и для русскихъ раскольниковъ занялась заря лучшаго будущаго. Въ 1874 г. 19 апрѣля явился законъ о формѣ заключенія брака раскольниками. Бракъ становится законнымъ черезъ запись его въ метрическую книгу. Метрическія книги о рожденіи, бракѣ и смерти раскольниковъ ведутся въ городахъ и уѣздахъ мѣстными полицейскими управленіями, а въ столицахъ участковыми и частными приставами. Всякая запись въ метрическихъ книгахъ подписывается членами полиціи, предъ которыми сдѣлано заявленіе о рожденіи, бракѣ или смерти, а также лицами, сдѣлавшими заявленіе и бывшими при томъ свидѣтелями, если они грамотны. Раскольникъ, желающій, чтобы бракъ его былъ записанъ въ метрическую книгу, долженъ увѣдомить о томъ письменно или словесно полицейское управленіе, или волостное правленіе. По такому увѣдомленію, полицейское управленіе или волостное правленіе составляетъ особое каждый разъ объявленіе и выставляетъ это объявленіе, втеченіе 7 дней, на видномъ мѣстѣ при дверяхъ. Всѣ знающіе о какихъ либо препятствіяхъ къ записи въ метрическую книгу обязаны заявить о нихъ. Для записи брака оба супруга лично должны явиться въ управленіе, каждый съ двумя поручителями въ томъ, что бракъ не воспрещенный. Передъ записью отъ обоихъ отбирается подписка въ томъ, что они принадлежатъ къ раскоду отъ рожденія и не состоятъ въ бракѣ, совершен-

номъ по правиламъ православной церкви. Предшествовавшее записи брака исполненіе соблюдаемыхъ между раскольниками брачныхъ обрядовъ вѣдѣнію полицейскихъ чиновъ не подлежитъ. Дѣла о правахъ, истекающихъ изъ браковъ, заключенныхъ между раскольниками, а также дѣла о расторженіи этихъ браковъ и о признаніи ихъ недѣйствительными, подлежатъ суду гражданскому.

Въ Россіи не оказывается сколько нибудь подготовленной почвы къ введенію обязательнаго гражданского брака въ западно-европейскомъ смыслѣ, т. е. въ томъ смыслѣ, чтобы всякому русскому подданному было обязательно заключить бракъ въ гражданской формѣ передъ органомъ государственной власти, и потомъ уже, если желаетъ, обвѣнчаться въ церкви. Тѣмъ менѣе возможно бы было разсуждать о введеніи въ Россіи факультативнаго гражданского брака, въ виду его испытанной вредности для государственной жизни ⁶⁰). Съ другой стороны, нельзя ограничиться и однимъ лишь исключительно церковнымъ вѣнчаніемъ. Тѣ историческія явленія, которыми вызвано было учрежденіе въ западной Европѣ такъ называемаго „Nothcivilehe“, вынужденнаго необходимою гражданскаго брака, произошли и въ нашей исторіи. Если бы все населеніе широкаго русскаго государства исповѣдывало православную вѣру, или даже если бы въ Россіи существовали только организованныя иностранныя христіанскія исповѣданія, какъ католичество, лютеранство, кальвинизмъ и разныя инородческія, вообще нехристіанскія вѣроисповѣданія, какъ еврейское, магометанское, буддійское, идолопоклонническое; то не было бы ничего проще, какъ предоставить каждому вступать въ бракъ по обрядамъ своей религіи. Но въ Россіи существуютъ и разныя старообрядческія и раціоналистическія христіанскія секты. Стало бытъ, гражданскій бракъ долженъ былъ явиться, судя по всему вышесказанному, какъ Nothcivilehe, какъ выходъ изъ крайней необходимости, которую одинаково должны чувствовать и государственная власть, пекущаяся объ интере-

сахъ своихъ подданныхъ, и отдѣльное лицо, находящееся въ такомъ положеніи, гдѣ оно обращается къ государству съ призывомъ на помощь. Но вѣдь и требуется, чтобы гражданскій бракъ былъ только бракомъ по нуждѣ, имѣлъ мѣсто только для такихъ диссидентовъ, которые принадлежатъ къ непризнаннымъ въ государствѣ сектамъ и которые не могутъ быть признаны: итакъ правильно ли относить безъ разбора къ числу непризнанныхъ сектъ и такія религіозныя общества, которыя дѣйствительно не имѣютъ прочной организаціи, и у которыхъ дѣйствительно нѣтъ такихъ духовно-должностныхъ лицъ, на которыхъ бы государство могло разсчитывать, какъ на гарантію правильнаго заключенія браковъ, и въ ту же категорію непризнанныхъ сектъ помѣстить такія религіозныя общества, которыя имѣютъ организацію и духовенство, обладаютъ опредѣленною историческою фізіономіей, выработали себѣ опредѣленный складъ религіозныхъ идей, какъ это слѣдуетъ сказать о старообрядческомъ расколѣ въ обоихъ его направленіяхъ — поповскомъ и беспоповскомъ, насколько послѣднее не исповѣдуетъ принциповъ, нетерпимыхъ въ государствѣ? Законъ *обязательно* требуетъ отъ всѣхъ тѣхъ, кого онъ называетъ раскольниками, записи въ метрическія книги, или гражданской формы брака. Но если мы будемъ считать обязательный гражданскій бракъ чуждымъ русскому духу и не подходящимъ къ русскому юридическому быту учрежденіемъ, будемъ видѣть въ немъ лишь поводъ къ соблазну и отягощенію народному; то на какомъ же основаніи мы будемъ считать обязательный гражданскій бракъ соотвѣтствующимъ духу и подходящимъ къ юридическому быту русскихъ раскольниковъ, которые называютъ себя и другими называются подлинными представителями древнерусскаго челоуѣка? Вѣдь раскольники считаются не сотнями и тысячами, а милліонами: не значило ли бы это имѣть двойные вѣсы и двойную мѣру для взвѣшиванія и измѣренія, одинъ аршинъ для себя, другой аршинъ для другихъ? Впрочемъ, слѣдуетъ отмѣтить одну важную и любопытную черту

закона 19 апрѣля 1874 г. Для раскольниковъ открытъ путь къ вступленію въ законный бракъ. Но каковъ этотъ путь? Это собственно лишь одна сторона въ томъ учрежденіи, которое на западѣ извѣстно подъ именемъ гражданской формы заключенія брака, это есть запись брака въ метрическую книгу, т. е. то, что на западѣ называется регистраціей брака, которая производится чиновникомъ гражданского состоянія, или такъ, что передъ этимъ же чиновникомъ и бракъ заключается, или такъ, что регистрація производится чиновникомъ независимо отъ церковнаго вѣнчанія, которое совершается духовнымъ лицомъ того или другаго вѣроисповѣданія. Но одна регистрація, сама по себѣ, никогда и нигдѣ не составляла формы гражданского брака. Напротивъ, всегда и вездѣ имѣла мѣсто извѣстная церемоніальность: объявленіе взаимнаго согласія, вопросы со стороны чиновника и отвѣты со стороны нуптуріентовъ, чтеніе документовъ и законовъ, провозглашеніе супругами во имя закона. Эта сторона гражданской формы брака абсолютно отсутствуетъ въ русскомъ законѣ для раскольниковъ. Невозможно, конечно, предполагать, чтобы, по мнѣнію законодателя и на его взглядъ, въ такомъ важномъ событіи, какъ заключеніе брака, человекъ могъ удовлетвориться лишь канцелярскою формальностію записи брака въ полицейскомъ участкѣ или въ волостномъ правленіи. Душа человѣческая такъ устроена, что человекъ не можетъ вступить въ бракъ, только лишь тѣмъ и обнаруживъ свои бракозаключительныя намѣренія, что роспишется въ полицейской книгѣ. Разумѣется, это говорится о большинствѣ, или, правильнѣе, о массѣ, а не о тѣхъ интеллигентахъ, которые готовы были бы всякую церемоніальность считать излишнею. Законодатель этого не могъ думать и дѣйствительно не думалъ. Въ законѣ сказано, что предшествовавшее записи брака исполненіе соблюдаемыхъ между раскольниками брачныхъ обрядовъ вѣднѣю полицейскихъ чиновъ не подлежитъ. Слѣдовательно законъ предоставляетъ раскольникамъ совершать тѣ или другіе брачные обряды, только онъ не придаетъ имъ никакого officialнаго,

юридическаго характера, считаетъ ихъ совершенно безразличными для законности брака и какъ бы испытываетъ, дѣйствительно ли раскольники владѣютъ тою способностію, которую въ нихъ находятъ и восхваляютъ, способностію выражать духъ древнерусскаго человѣка и слѣдовательно вырабатывать и удерживать обряды и обычаи въ самомъ подлинномъ русскомъ духѣ. Обычаи, выработанные въ этомъ духѣ, могли бы быть обязательны и безъ закона. Правда, обычай имѣетъ великую силу, и когда законъ не согласуется съ обычаемъ, идетъ противъ обычая, нерѣдко обычай одерживаетъ верхъ надъ закономъ: законъ требуетъ чего либо, но противорѣчащимъ ему обычаемъ требованіе закона парализуется. Когда же хорошій обычай только игнорируется закономъ, когда законъ и обычай не стоятъ между собою въ противорѣчій, тогда приходится убѣждаться, что законъ сильнѣе обычая. Хороши религіозные брачные обряды у раскольниковъ; хорошо и похвально ихъ стремленіе къ религіозной формѣ заключенія браковъ. Но не хорошо и непохвально напр. то, что раскольническое вѣнчаніе, какъ не имѣющее законной санкціи, считается чѣмъ-то шуточнымъ. Нехорошо то, что недостатокъ уваженія къ этому религіозному обряду, не имѣющему законной санкціи, доходитъ до того, что мушны въ расколѣ говорятъ, что вѣнчаніе дѣлается и принимается ими только „ради бабъ“, для ихъ успокоенія. Нехорошо то, что эксперименты такого шуточнаго вѣнчанія повторяются нѣсколько разъ, что недобросовѣстные люди вступаютъ въ бракъ разъ по семи, мѣняя одну жену на другую. Очень дурно, наконецъ, то, что обнаружилось для комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, на основаніи собранныхъ ею данныхъ, а именно, что въ крестьянствѣ жены убѣгаютъ отъ мужей и мужья отказываются содержать женъ на томъ основаніи, что они вѣнчаны по раскольническому обряду на рогожскомъ кладбищѣ, стало быть бракъ ихъ не есть нѣчто серьезное. Да не лучше пожалуй и то, что когда, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ супружеской жизни, одинъ изъ

супруговъ — раскольниковъ, можетъ быть для того только, чтобы отдѣлаться отъ другаго, обращается въ православіе, духовное начальство расторгаетъ этотъ бракъ, т. е. не расторгаетъ собственно, а объявляетъ этого супруга свободнымъ отъ брака, такъ какъ предшествовавшее супружеское сожитіе не считается бракомъ, а чѣмъ-то не только шуточнымъ, а и преступнымъ ⁶¹). Законъ для русскаго человѣка — великое слово, — все равно, православный или раскольникъ этотъ русскій человѣкъ. Такъ не лучше ли было бы воспользоваться этимъ обаяніемъ закона, чтобы укрѣпить его санкціей добрые народные обычаи?

Въ заключеніе нельзя не указать и на то, что законъ 19 апрѣля 1874 г., — который есть великое слово государственной мудрости, сравнительно съ предшествовавшимъ законодательствомъ, — относится къ *раскольникамъ*, и нигде не видно, чтобы подъ этотъ законъ можно было подводить всевозможныя религіозныя секты въ Россіи, ничего общаго съ расколовъ не имѣющія. Итакъ, стало быть и въ настоящее еще время не всѣ русскіе диссиденты пользуются правомъ вступать въ законный бракъ? А если такъ, то вредъ, пронетекающій для государственной жизни отъ непризнанія за массою людей возможности и права вступать въ законные браки, — благодаря чему существуетъ совершенная неясность и непрочность отношеній сожительствующихъ между собою мужчинъ и женщинъ и ихъ дѣтей, — этотъ вредъ не окончательно устраняется закономъ 19 апрѣля. Можно сказать и еще болѣе. Религіозныя убѣжденія суть дѣло свободы человѣческой. Какъ нельзя принуждать людей къ какимъ либо опредѣленнымъ религіознымъ убѣжденіямъ, такъ невозможно же принуждать и вообще вѣрить чему либо. „Свобода не исповѣдывать никакой религіи вытекаетъ, какъ простой логическій выводъ, изъ отрицанія всякаго матеріальнаго принужденія въ дѣлахъ вѣры. Вторженіе въ свободу совѣсти, въ сущности, будетъ одинаково, принуждается ли кто исповѣдывать ту, или эту опредѣленную религію“ ⁶²). Можно ли смотрѣть какъ на желатель-

ный порядокъ вещей, если человѣкъ совершенно не вѣрующій, презрительно относящійся къ церкви и къ священнодѣйствию, вынуждается къ церковному вѣнчанію, съ тѣмъ чтобы имѣть возможность вступить въ легальный супружескій союзъ? Людямъ, открыто заявляющимъ себя невѣрующими, атеистами, государство тѣмъ съ меньшими опасеніями можетъ предоставить право на вступленіе въ бракъ помимо церковнаго вѣнчанія, что они неопасны русскому государству. Если они неопасны въ сѣверной Америкѣ, гдѣ, благодаря самой широкой религіозной свободѣ, атеизмъ не въ авантажѣ обрѣтается, потому что общество, при полномъ отсутствіи законной какой либо кары, клеймитъ своимъ презрѣніемъ атеистовъ, которые даже не рѣшаются поэтому и выступить открыто, въ качествѣ атеистовъ; то неужели нельзя разсчитывать на русское общество, считающее себя религіознымъ и дѣйствительно религіозное, что оно не дастъ атеизму развиваться въ сколько нибудь опасную для государства силу? А между тѣмъ съ церкви снято бы было нареканіе, что она навязываетъ свои священнодѣйствія, преподаетъ ихъ насильственно такимъ людямъ, которые, кромѣ презрительно — насмѣшливаго отношенія къ церковнымъ священнодѣйствіямъ и таинствамъ, не состоятъ ни въ какомъ другомъ соотношеніи съ церковью.

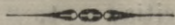
Да впрочемъ и не одни атеисты могутъ оказаться въ затруднительномъ положеніи насчетъ способа вступленія въ законный бракъ. Возможны и такіе случаи, что люди, по своему и по мнѣнію другихъ, религіозные, люди даже прославленные въ наукѣ и искусствѣ, но несогласные съ церковными вѣрованіями и въ тоже время не организующіе какой либо опредѣленной религіозной секты, заявляютъ о своемъ выходѣ изъ церкви. Позволительно предложить слѣдующій вопросъ: если бы такому человѣку нужно было вступить въ бракъ законный, который бы государственными законами охранялся и защищался въ своей крѣпости, то какимъ бы путемъ могло подобное лицо достигнуть осуществленія своей цѣли? Изъ церкви этотъ человѣкъ вышелъ, и къ цер-

ковному вѣнчанію не обратится, а если и обратится—что было бы непослѣдовательно,—то не всякій священникъ и обвѣнчаетъ его. Къ раскольникамъ онъ не принадлежитъ, слѣдовательно и посредствомъ записи въ метрическую книгу, ведущуюся въ полицейскихъ и волостныхъ правленіяхъ, онъ не можетъ легализовать свой бракъ.

Благодаря не прерывающемуся ходу исторической жизни человечества, благодаря теоретическому выясненію и практическимъ опытамъ, вырабатываются нѣкоторыя юридическія, соціальныя и политическія аксіомы, которыя не вызываютъ ни въ комъ сомнѣній и возраженій. Съ дальнѣйшимъ ходомъ исторіи, благодаря возможнымъ въ будущемъ усиліямъ науки и даннымъ опыта, число такихъ аксіомъ будетъ умножаться и будетъ служить нагляднымъ показателемъ успѣховъ въ развитіи человечества. Не пора ли причислить къ такимъ аксіомамъ право каждаго подданнаго государства осуществлять такія непосредственно—природныя права, какъ право вступленія въ законный бракъ? Положеніе, что каждому подданному должна быть со стороны государства предоставлена возможность осуществленія природныхъ правъ, ни съ принципіальной, ни съ практической стороны, не заключаетъ въ себѣ никакого излишества, не содержитъ въ себѣ ничего чрезмѣрнаго. Не было бы ничего чрезмѣрнаго и въ томъ, если бы мы, повторяя и примѣняя къ Россіи слова Порталиса, произнесенныя имъ когда—то во французскомъ законодательномъ собраніи, сказали слѣдующее: *русскій* государственный, и именно *гражданскій* законъ въ собственномъ смыслѣ, не долженъ насиловать религіозныхъ мнѣній гражданъ, а напротивъ долженъ терпѣть все то, что терпится Провидѣніемъ, и имѣть въ виду только *русскихъ гражданъ*, русскихъ подданныхъ, какъ природа видитъ только людей.

Гражданскій бракъ, въ границахъ государственной необходимости, не есть ни кощунственная пародія на бракъ, ни нападеніе на народную нравственность, ни покушеніе на индивидуальную

человѣческую свободу, а означаетъ успѣхъ человѣческой культуры и завоеваніе человѣческаго ума, указываетъ на прогрессъ въ исторіи человѣчества, даже служить признакомъ христіанской цивилизаціи, которая, въ отличіе отъ античной цивилизаціи, совершенно смѣшивавшей и сливавшей религіозное съ государственнымъ и государственное съ религіознымъ, до насилія надъ совѣстію человѣческою, виждется на различіи Божьяго и кесарева. Это различіе Божьяго и кесарева не только нѣтъ ни какой надобности, но и не слѣдуетъ доводить до полного противоположенія между тѣмъ и другимъ, все равно, будетъ ли это противоположеніе отстаиваться защитниками церкви, или поборниками государства. Христіанскій кесарь въ христіанскомъ государствѣ можетъ и долженъ, гдѣ нужно, сглаживать тѣ рѣзкости и разности между церковнымъ и государственнымъ, которыя устанавливаются доктриной, при руководствѣ теоретическаго мышленія, т. е. христіанскій монархъ можетъ возводить церковныя учрежденія на степень государственныхъ, какъ скоро это оказывается полезнымъ, цѣлесообразнымъ и необходимымъ для государства, и слѣдовательно въ такой мѣрѣ, въ какой это сліяніе церковнаго съ государственнымъ не содержитъ въ себѣ нарушенія общечеловѣческихъ и общегражданскихъ правъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1) Chachian, Du caractère et des conditions constitutives du mariage, Paris, 1875, стр. 5—6. Sincholle, Le mariage civil et le mariage religieux, Poitiers, 1876, стр. 2 и сл. Dieckhof, Die kirchl. Trauung, ihre Geschichte im Zusammenhange mit der Entwicklung des Eheschliessungsrechts und ihr Verhältniss zur Civilehe, Rostock, 1878, стр. 15.

2) Rossbach, Untersuchungen über die röm. Ehe, Stuttgart, 1853, стр. 93. 254 и сл. 261 Becker und Marquardt, Handbuch der römischen Alterthümer, Th. V, Abth. 1, Leipzig, 1864. стр. 32, 37 и сл. 52. Dieckhof, 13—14.

3) Быт. I, 28; Быт. XXIV; Притч. II, 17; Малах. II, 14; Товит. гл. VII.

4) Матѳ. XIX, 4—6; Ефес. V, 22—33.

5) Бесѣда о томъ, какихъ нужно выбирать женъ (quales ducentae sunt uxores) въ XXII томѣ миланскаго изданія 1831 г.: Collectio selecta s. Ecclesiae Patrum complectens exquisitissima opera, стр. 93—95.

6) Lib. de bono conjugali, cap. 6. 7. 17. 21. въ VII томѣ венеціанскаго изданія 1833 г.: S. Aurelii Augustini Hippoensis opera omnia.

7) Посл. къ Поликарпу гл. 5.

8) Тертуліанъ, De pudicitia, с. 4.

9) Jdem, Ad uxorem, lib. II. с. 8.

10) Code civil, art. 63—76; Das Reichsgesetz über die Beurkundung des Personenstandes und die Eheschliessung vom 6 Febr. 1875. §§ 44—46. 52. 54.

11) Газ. «Голось» за 1882 г. № 155.

12) Sincholle, 13.

13) L. 22. C. de nuptiis.

14) Novel. LXXIV, с. 4. cf. nov. CXVII.

15) Σηλογή τῶν νόμων, II, 8.

16) Friedberg. Das Recht der Eheschliessung, Leipz. 1865, стр. 8—9.

17) Льва Мудраго новелла LXXXIX у Zachariae въ Jus graecoromanum, P. III, p. 185.

18) Тамъ же, стр. 401 и сл.

19) Capitul. Aquisgran. 802 а. с. 35 (Pertz, Monum. Germaniae. Legum t. 1).

20) Friedberg, 59. Sohm, Das Recht der Eheschliessung, Weimar, 1875, стр. 181—182. Dieckhof, стр. 62. Huyssen, Die Civilehe vom kirchlichen und. kirchenrechtlichen Standpunkte beleuchtet und vertheidigt, Köln, 1874, стр. 6—7.

21) Responsa Nicolai ad consulta Bulgarorum, an. 866 (Mansi, Concilior. collect. tom. XV pag. 401 sqq. п. 3).

22) Dieckhof, стр. 136; Scheurl, Die Entwicklung des kirchlichen Eheschliessungsrechts, Erlangen, 1877, стр. 99.

23) Scheurl, стр. 95.

24) Sohm, стр. 158. и сл. Scheurl, Das gemeine deutsche Eherecht und seine Umbildung durch das Reichsgesetz vom 6 Febr. 1875, Erlangen, 1882. Scheurl, Entwicklung des kirchl. Eheschliessungsrechts, 110 и сл.

25) Huyssen. стр. 13 и сл.

26) Adams, Die Civilehe in ihrer Berührung mit der kirchlichen Ehe, Regensburg. 1875, стр. 45. См. также докладъ 10-й комисіи прусской палаты господъ по поводу законопроекта объ обязательномъ гражданскомъ бракѣ: Oesfeld, Die Beurkundung des Personenstandes und die Form der Eheschliessung nach dem preuss. Gesetze v. 9 März 1874.

27) Sincholle, 24;

28) Sincholle, 25 и сл.; Hirschel, Geschichte der Civilehe in Frankreich, Mainz, 1874, стр. 6 и сл. Friedberg, стр. 504 и сл.

29) Friedberg, 481 и сл. Huyssen, 24.

30) Friedberg, 322 и сл.

31) Friedberg, 531 и сл.

32) Sincholle, 40.

33) Friedberg, стр. 542—546; Huyssen, стр. 29; Sincholle, 49.

34) Revue catholique des institutions et du droit, vol. XIV. Статья Андрэ Гералля: Les premiers mariages civils en France.

35) Hirschel, 21; Sincholle. 51.

57) *Временный Епархиальный Совет* 1881 г. № 1. С. 1-4. 415.
 58) *Устав 18 марта 1782 г. 16 июня 1782 г. 29 мая 1788*
 года 21 марта 1788 г.
 59) *Положение о духовенстве, II. 61-62. Москва. II. 4 и 5.*
 60) *Описание, 63 и 64.*
 61) *Материалы 1782-1783 гг. по вопросу о реорганизации*
всех епархий. II. 1. С. 1-10. 1782 г. 24. С. 163.
 № 16.
 62) *Москва. Труды о церковном реформе и епархиальном*
управлении, составленные в 1782 г. М. Синодальный Секретариат.
 1882 г. С. 14.
 63) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 64) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 65) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 66) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 67) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 68) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 69) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 70) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 71) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 72) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 73) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 74) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 75) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 76) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 77) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 78) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 79) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 80) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 81) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 82) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 83) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 84) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 85) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 86) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 87) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 88) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 89) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 90) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 91) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 92) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 93) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 94) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 95) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 96) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 97) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 98) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 99) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.
 100) *Материалы по вопросу о реформе церковного управления.*
 1882 г. С. 14.

О Г Л А В Л Е Н І Е

I.

Религіозный элементъ въ заключеніи браковъ у нехристіанскихъ народовъ, стр. 5. Римскіе браки въ особенности—6. Еврейскіе браки—7. Бракъ по христіанскимъ воззрѣніямъ—8. Взглядъ Златоуста на бракъ—9. Взглядъ Августина—10. Древнѣйшая форма заключенія христіанскихъ браковъ—11. Форма заключенія гражданскаго брака по французскому и германскому гражданскому уложенію—12.

II.

Процессъ превращенія церковнаго вѣнчанія въ бракозаключительный актъ на востокѣ 1—15. Законодательство христіанскихъ императоровъ: Θεодосія, Юстиніана, Льва и Константина, Льва Мудраго и Алексѣя Комнена—16. Законъ Карла Великаго—18.

III.

Отвѣтъ папы Николая I на запросъ Болгаръ—19. Средневѣковые тайные браки—21. Тридентская форма заключенія брака—23. Законодательство французскихъ королей о бракѣ и возникновеніе національно-французскаго церковнаго взгляда на бракъ, какъ на договоръ—24.

IV.

Дѣйствительныя причины, вызвавшія учрежденіе гражданскаго брака въ западной Европѣ—28. Гражданскій бракъ въ Голландіи, какъ вынужденный необходимостію—29. Обязательный гражданскій бракъ въ Англіи при Кромвелѣ—30. Браки французскихъ протестантовъ—31. Законъ Людовика XVI-го о факультативномъ гражданскомъ бракѣ 1787 г.—33. Взглядъ «естественнаго пра-

II

ва» на власть государства относительно брака—34. Бракъ Ж. Ж. Руссо—36. Революціонный законъ о бракѣ 1792 г.—37. Законодательство Наполеона I объ обязательномъ гражданскомъ бракѣ—39. Начало свободнаго развода въ позднѣйшемъ французскомъ законодательствѣ—40. Идеиная основа французскаго обязательнаго гражданского брака—42.

V.

Обычай церковнаго вѣнчанія браковъ въ странахъ протестантскихъ—43. Заключение браковъ въ Англіи со времени отміны кромвелевскаго закона объ обязательномъ гражданскомъ бракѣ—44. Нынѣшній факультативный гражданскій бракъ въ Англіи и въ сѣверной Америкѣ—48. Шотландскій бракъ—49. Форма заключенія брака по прусскому ландрехту—51. Франкфуртскія «основныя права»—52. Рѣчь Бисмарка въ 1849 г. въ прусскомъ парламентѣ—53. Распространеніе гражданского брака въ шестидесятихъ годахъ—54. Мотивы, которыми руководилось прусское правительство при введеніи обязательнаго гражданского брака въ 1874 г.—57. Данныя статистики за пятилѣтній періодъ времени—62. Агитація противъ обязательнаго гражданского брака въ 1880 г.—63.

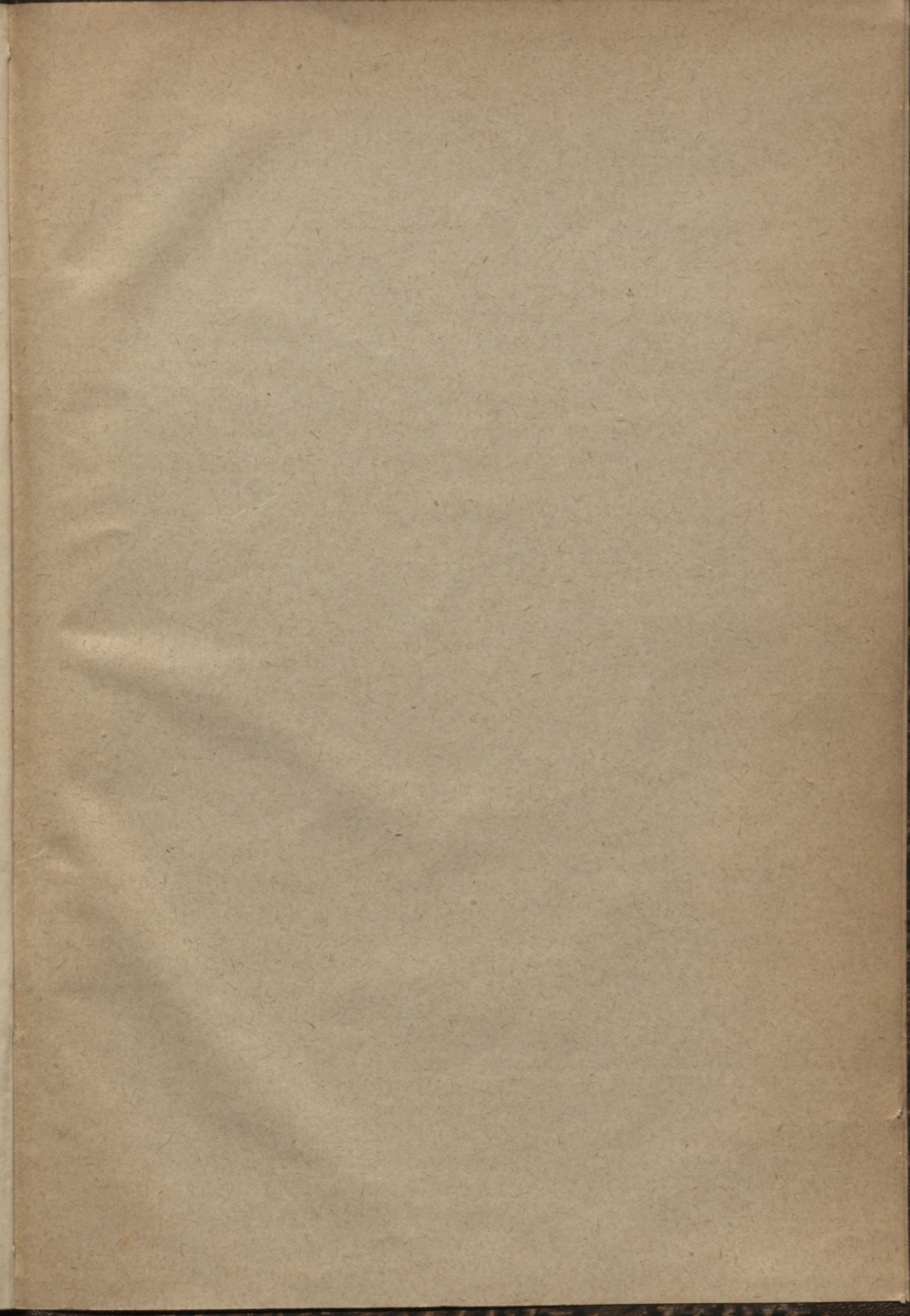
VI.

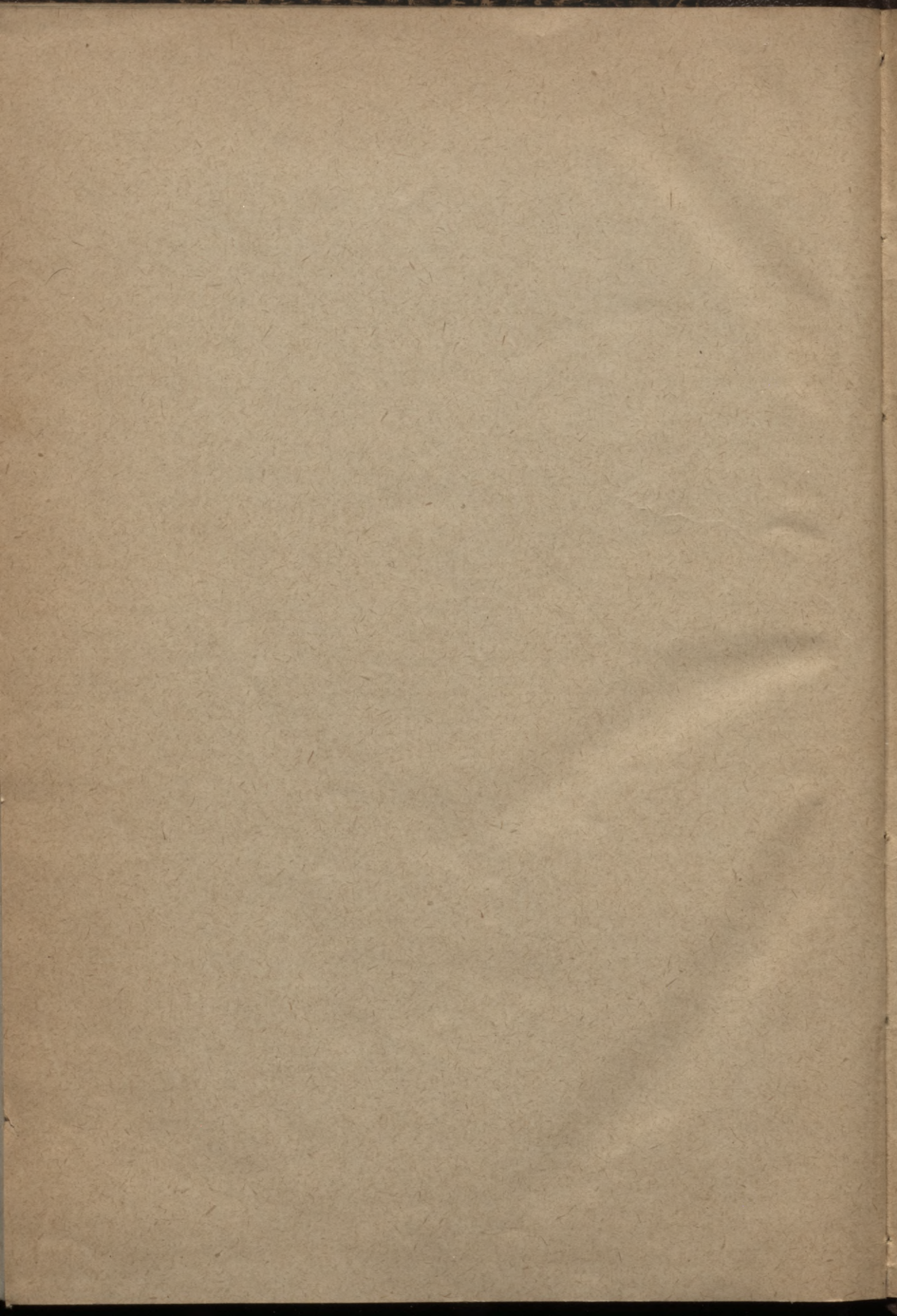
Возраженія противъ обязательнаго гражданского брака съ культурно-исторической точки зрѣнія—64. Мнѣніе К. П. Побѣдоносцева—69. Стремленіе русскихъ раскольниковъ и сектантовъ къ религіозной формѣ заключенія браковъ—71.

VII.

Сравненіе русскихъ диссидентовъ съ западноевропейскими—75. Законодательство Петра Великаго и позднѣйшее—76. Законъ 19 апрѣля 1874 г.—79. Необходимость законной санкціи раскольническаго вѣнчанія—82. Необходимость распространенія закона 1874 г. на всѣхъ диссидентовъ и невѣрующихъ—84.

421387

LATVIJAS UNIVERSITĀTES BIBLIOTĒKA

0509016987